

Послѣдніе дни стараго режима*

Александра Блока

I

Состояніе власти

Болѣзнь государственнаго тѣла Россіи — Царь, императрица, Вырубова, Распутинъ — Великіе князья — Дворъ — Кружки: Бадмаевъ, Андронниковъ и Манасевичъ-Мануйловъ — Правые — Правительство: Совѣтъ Министровъ: Штюмеръ, Треповъ и Голицынъ — Отношеніе правительства къ Думѣ — Гр. Игнатъевъ и Покровский — Бѣляевъ — Н. Маклаковъ и Бѣлецкій — Протопоповъ

На исходѣ 1916 года всѣ члены государственнаго тѣла Россіи были поражены болѣзью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операціи. Такъ понимали въ то время положеніе всѣ люди, обладавшіе государственнымъ смысломъ; ни у кого не могло быть сомнѣнія въ необходимости операціи; спорили только о томъ, какую степень потрясенія, по необходимости сопряженнаго съ нею, можетъ вынести ослабленное тѣло. По мнѣнію однихъ, государство должно было и во время операціи продолжать исполнять то дѣло, которое главнымъ образомъ и ускорило ростъ болѣзни, именно вести внѣшнюю войну; по мнѣнію другихъ, отъ этого дѣла оно могло отказаться.

Какъ бы то ни было, операція, первый періодъ которой прошелъ сравнительно безболѣзненно, совершилась. Она застала врасплохъ представителей обоихъ мнѣній и протекла въ формахъ неожиданныхъ для представителей разныхъ слоевъ русскаго общества.

Главный толчокъ къ развитію болѣзни дала война; она уже третій годъ расшатывала государственный организмъ, обнаруживая всю его ветхость и лишая его послѣднихъ творческихъ силъ. Осенній призывъ 1916 года захватилъ тринадцатый милліонъ землепашцевъ, ремесленниковъ и всѣхъ прочихъ тех-

* Фактическая часть работы покойнаго поэта основана на показаніяхъ, данныхъ и матеріалахъ, собранныхъ учрежденной Временнымъ Правительствомъ Чрезвычайной Коммисіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ. Эта работа была напечатана въ журналѣ «Былое» № 15. *Ред.*

никовъ своего дѣла; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было — парализъ главныхъ артерій, питающихъ страну; для борьбы съ наступившимъ кризисомъ неразрывно связанныхъ между собою продовольствія и транспорта требовались исключительные люди и исключительныя способности; между тѣмъ, власть, раздираемая различными вліяніями и лишенная воли, сама пришла къ бездѣйствію; въ ней, по словамъ одного изъ ея представителей, не было уже ни одного «боевого атамана», и весь «духъ борьбы» выражался лишь въ томъ, чтобы «ставить заслоны».

Императоръ Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, по притупившейся ко всему, извѣрившейся въ людяхъ, задерганный и осторожный на словахъ, былъ уже «самъ себѣ не хозяинъ». Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти. Распутинъ говорилъ, что у него «внутри недостаетъ». Имѣя склонность къ общественности, Николай II боялся ея, тая давнюю обиду на Думу. Ставъ верховнымъ главнокомандующимъ, императоръ тѣмъ самымъ утратилъ свое центральное положеніе, и верховная власть, бывшая и безъ того «въ плѣну у биржевыхъ акулъ», расплылась окончательно въ рукахъ Александры Федоровны и тѣхъ, кто стоялъ за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, въ сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердымъ характеромъ, была всецѣло подъ вліяніемъ Распутина, который звалъ ее Екатериной II, и того «большого мистическаго настроенія» особаго рода, которое, по словамъ Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отдѣлило ее отъ внѣшняго міра. Самолюбивая женщина, «относившаяся къ Россіи, какъ къ провинціи мало культурной» и совмѣщавшая съ этимъ обожаніе Распутина, ставившаго ее на поклоны; женщина, воспитанная въ англійскомъ духѣ и молившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ «тайничкахъ» Феодоровскаго Собора, — дѣйствительно управляла Россіей. «Едва ли можно сохранить самодержавіе, — писалъ около новаго года придворный исторіографъ, генералъ Дубенскій, — слишкомъ проявилась глубокая рознь русскихъ интересовъ съ интересами Александры Федоровны».

«Въ мистическій кругъ» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простою ума», покорная Распутину, «фонографъ его словъ и внушеній» (слова Протопопова). Ей, по ея словамъ, «вся Россія присылала всякія записки», которыя она механически передавала по назначенію.

«Связью власти съ міромъ» и «цѣнителемъ людей» былъ Григорій Распутинъ; для однихъ — «мерзавецъ», у котораго была «контора для обдѣльванія дѣлъ»; для другихъ — «великій комедьянтъ», для третьихъ — «удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа»; для четвертыхъ — упрямый, неискренній, скрытный человѣкъ, который не забывалъ обидъ и мстилъ жестоко, и который гдѣкогда учился у магнетизера. О вредѣ Распутина напрасно говорили царю такіе разнообразныя люди, какъ Родзянко, генералъ Ивановъ, Кауфманъ-Туркестанскій, Ниловъ, Орловъ, Дрентельнъ, великіе князья, Фредериксъ. Мнѣнія представителей власти, знавшихъ этого безграмотнаго «старца», котораго Вырубова назвала «неаппетитнымъ», при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ одномъ: все они — целестны; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, извѣстно, что все они, больше или меньше, зависѣли отъ него; область вліянія этого человѣка, каковъ бы

онъ ни былъ, была громадна; жизнь его протекла въ исключительной атмосферѣ истерическаго поклоненія и непроходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить: недюжинность распутнаго мужика, убитаго въ спину на Юсуповской «вечеринкѣ съ грамофономъ», сказала, пожалуй, болѣе всего въ томъ, что пуля, его прикончившая, попала въ самое сердце царствующей династии.

Затворники Царскаго Села и «маленькаго домика» Вырубовой, окрестившіе другъ друга и тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, такими же законспирированными кличками, какія были въ употребленіи въ самыхъ низахъ — въ департаментѣ полиціи, — были отдѣлены отъ міра пропастью, которая, по волѣ Распутина, то суживалась, открывая доступъ избраннымъ вліяніямъ, то расширялась, становясь совершенно непреходимой даже для родственниковъ царя, отодвинутыхъ тѣмъ же Распутинымъ на второй планъ; часть ихъ перешла въ оппозицію. «Теперь всѣ Владиміровичи и всѣ Михайловичи въ полномъ протестѣ противъ императрицы», записывалъ въ дневникѣ генералъ Дубенскій; они обращались къ царю съ письмами и записками; такъ, Георгій Михайловичъ въ ноябрѣ писалъ царю о ненависти къ Штюмеру самыхъ умѣренныхъ круговъ въ арміи и объ отвѣтственномъ министерствѣ, какъ единственной мѣрѣ для спасенія Россіи. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Въ обширномъ письмѣ Александра Михайловича отъ 25 декабря — 4 февраля указано, что политика царя идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, что нужно дать свободу общественнымъ силамъ и выбрать министровъ, которымъ страна повѣритъ, и что существующее правительство само подготавливаетъ революцію.

Милоковъ былъ въ средѣ этихъ оппозиціонно настроенныхъ великихъ князей послѣ убійства Распутина, въ которомъ одинъ изъ нихъ былъ замѣшанъ, что особенно отшатнуло отъ нихъ царя, написавшаго въ отвѣтъ на просьбу «смягчить участь» Дмитрія Павловича, извѣстную фразу: «никому не дано право, заниматься убійствомъ». Настроеніе въ этой средѣ было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но къ возможности безболѣзненнаго исхода изъ положенія относились безнадежно.

Гораздо ближе къ царской семьѣ стоялъ кругъ придворныхъ. Въ этомъ кругу, гдѣ «атмосфера, по выраженію Воейкова, была манекенъ», кипѣла борьба мелкихъ самолюбіи и интригъ. Десятка два людей, у каждаго изъ которыхъ были свои обязанности («я въ шахматы играю, я двери открываю»), трепетали надъ тѣмъ, кто изъ нихъ займетъ мѣсто министра двора послѣ смерти стараго, временами вовсе выживающаго изъ ума «дорогого графа» Фредерикса, къ которому царь питалъ большую привязанность. Нѣкоторые изъ этихъ людей, всѣмъ занятыхъ биржевыми дѣлами и получившихъ отъ правительственныхъ низовъ не очень лестный эпитетъ «придворной рвани», были, по своему, «конституціонно» настроены; большинство питало ярую ненависть къ Распутину. Среди нихъ выдѣлялись, — ближе всѣхъ стоявшій къ царской семьѣ зять Фредерикса, Воейковъ, ловкій коммерсантъ и владѣлецъ Куваки, — и Ниловъ, старый «морской волкъ», пьяница, котораго любили за грубость, — этотъ послѣдній всѣхъ откровеннѣе говорилъ съ царемъ о Распутинѣ; получивъ отпоръ, какъ всѣ остальные, онъ смирился и твердилъ одно: «Будетъ революція, насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно».

Эта среда, какъ и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкій просторъ вліяніямъ большихъ и малыхъ кружковъ; отсюда

летѣли записки, диктовались назначенія, шла вся «большая политика»; наиболѣе видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаевъ — умный и хитрый азіатецъ, у котораго въ головѣ былъ политическій хаосъ, а на языкѣ шуточки, и который занимался, кромѣ тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами — дружилъ съ Распутинымъ и Курловымъ, нѣкогда сыгравшимъ роль въ убійствѣ Столыпина; при помощи Бадмаевского кружка получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ.

Князь Андронниковъ, вертѣвшійся въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, подносявшій иконы министрамъ, цвѣты и конфеты ихъ женамъ, и знакомый съ царскосельскимъ камердинеромъ, характеризуетъ самъ себя такъ: «Человѣкъ, гражданинъ, всегда желавшій принести какъ можно больше пользы».

Манасевичъ-Мануйловъ, ловкій и умный журналистъ, былъ сотрудникомъ «Новаго Времени», газеты, много лѣтъ вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партія правыхъ, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые дѣйствовали путемъ записокъ и личныхъ вліяній. Ихъ оппозиція правительству принимала угрожающіе размѣры при попыткахъ сократить субсидіи, которыми они пользовались всегда, но размѣры которыхъ не были баснословны. Среди правыхъ были, повидимому, и люди дѣйствительно безкорыстно преданные идеѣ самодержавія. Для этихъ «последнихъ могиканъ», по выраженію Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что вѣровали»; въ запискѣ, составленной въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданной царю кн. Голицынымъ въ ноябрѣ, и въ запискѣ Говорухи-Отрока съ поправкой Маклакова, переданной царю въ январѣ, правые тщетно пытались убѣдить его взять болѣе твердый курсъ, особенно по отношенію къ Думѣ, и оставить подражаніе «походкѣ пьянаго — отъ стѣны къ стѣнѣ». Не остановили крушенія — ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова, ни попытка усиленія праваго крыла Государственнаго Совѣта при содѣйствіи политически безпринципнаго Щегловитова, ни послѣднія назначенія, вродѣ назначенія князя Голицына.

Если всѣ описанные круги были проникнуты своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое хоть по временамъ давало возможность взглянуть въ лицо жизни — то круги бюрократическіе, непосредственно къ нимъ примыкающіе и передъ ними отвѣтственные, давно были лишены какого бы то ни было міросозерцанія. Все учащающаяся смѣна лицъ въ этихъ кругахъ Пуришкевичъ назвалъ «министерской чехардой»; по лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли ея паденіе. Правительство, которое давно не имѣло представленія не только о народѣ, но и о «земской Россіи и Думѣ», возглавлялось «недружнымъ, другъ другу не довѣряющимъ» Совѣтомъ Министровъ; это учрежденіе перестало жить со временъ Н. А. Столыпина, послѣдняго крупнаго дѣятеля самодержавія; съ тѣхъ поръ, оно постепенно превращалось, а при Штюрмерѣ фактически превратилось въ старый Комитетъ Министровъ, стоящій виѣ политики и занимающійся «дѣловымъ» регулированіемъ общеперскаго службы, которая, по словамъ людей живыхъ и сколько-нибудь связанныхъ со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совѣтъ Министровъ, говоритъ Протопоповъ, остался позади жизни и сталъ какъ бы тормазомъ народному импульсу».

Въ сущности, уже замѣна на посту предсѣдателя Совѣта Министровъ опытнаго, но окончательно одряхлѣвшаго бюрократа Горемыкина Штюмеромъ, въ которомъ царь, какъ оказалось впоследствии, видѣлъ «земскаго дѣятеля», заставила многихъ призадуматься. Штюмеръ имѣлъ весьма величавый и хладнокровный видъ и самъ аттестовалъ свои руки, какъ «крѣпкія руки въ бархатныхъ перчаткахъ». На дѣлѣ, онъ былъ только «футляромъ», въ которомъ скрывался хитрый обыватель, дѣлавшій все «подъ шумокъ», съ «канцелярскими уловками»; это была игрушка въ рукахъ Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочкѣ», какъ выразился о немъ однажды Распутинъ, которому случалось и прикрикнуть на безпамятнаго, одержимаго старческимъ склерозомъ и торопившагося, какъ бы только сбыть съ рукъ дѣло, премьера.

Ославленному Милюковымъ въ Думѣ Штюмеру пришлось уступить мѣсто Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача — взять твердый курсъ въ ту минуту, когда буря началась (въ ноябрѣ 1916 года); при Треповѣ считалось «хорошимъ тономъ» избѣгать примѣненія 87 статьи; но всѣ уловки только подливали масла въ огонь, и недостаточно сильный, ничего не успѣвшій измѣнить за 48 дней своего премьерства, Треповъ палъ, побѣжденный Протопоповымъ, которому удалось уловить его на предложеніи отступнаго Распутину (чтобы послѣдній не мѣшался въ государственныя дѣла).

Послѣднимъ премьеромъ былъ Н. Д. Голицынъ, самыя обстоятельства назначенія котораго показываютъ, до какой растерянности дошла власть. Стоявшій вдали отъ дѣлъ и завѣдывавшій съ 1915 года только «Комитетомъ помощи русскимъ военнопленнымъ», Голицынъ былъ вызванъ въ Царское село, будто бы императрицей. Его встрѣтилъ царь, который поговорилъ о томъ, кого бы назначить премьеромъ («Рухловъ не знаетъ французскаго языка, а на дняхъ собирается конференція союзниковъ») и, наконецъ, сказалъ: «Я съ вами хитрю, вызвалъ васъ я, а не императрица, мой выборъ палъ на васъ». Голицынъ, «мечтавшій только объ отдыхѣ», напрасно просился въ отставку. Едва ли старый аристократъ, брезгливо называвшій народъ «чернью» и не твердо знакомый съ дѣлопроизводствомъ Совѣта Министровъ, могъ справиться съ претившими ему ставленниками Распутина — Протопоповымъ и Добровольскимъ; Протопопова не могли осилить и болѣе сильные, у него была особая звѣзда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую дѣлалъ Совѣтъ Министровъ и которая сводилась къ изысканію средствъ отдалить неминуемый созывъ Государственной Думы, засѣданіе Совѣта Министровъ 3 января. Его дѣловая сторона изложена въ слѣдующей «памятной запискѣ», составленной П. Ладыженскимъ:

«Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 3 января 1917 года, обсуждалъ вопросъ о времени предстоящаго возобновленія занятій законодательныхъ учреждений, причемъ въ средѣ Совѣта были заявлены различныя мнѣнія.

«Пять Членовъ (Покровскій, Шуваевъ, Николаенко, Феодосьевъ и Ланговой) высказались, что въ соответствии съ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мѣропріятіями.

«Предсѣдатель и 8 членовъ (Григоровичъ, Риттихъ, Добровольскій, Протопоповъ, Разумовскій, Войновскій-Кригеръ, Раевъ и Кульчицкій) находили, что при настоящемъ настроеніи думскаго большинства открытіе Думы и появленіе

въ ней Правительства неизбѣжно вызоветъ нежелательныя и недопустимыя выступленія, слѣдствіемъ коихъ долженъ бы явиться роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Во избѣжаніе подобной крайней мѣры, Предсѣдатель и согласные съ нимъ Члены Совѣта считали предпочтительнымъ на нѣкоторое время отсрочить созывъ Думы, назначивъ срокъ созыва на 31 января.

«А. Д. Протопоповъ, къ мнѣнію котораго присоединились П. А. Добровольскій, Н. К. Кульчицкій и Н. П. Раевъ, полагали продолжить срокъ настоящаго перерыва занятій Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую записку дополняетъ живая характеристика засѣданія однимъ изъ его участниковъ — Н. Н. Покровскимъ. Изъ его разсказа мы знаемъ, что Протопоповъ развивалъ здѣсь свою «необыкновенную теорію политическихъ теченій въ Россіи», которую онъ повторилъ и въ засѣданіи 25 февраля. Теорія, по словамъ Н. Н. Покровскаго, заключалась въ томъ, что революціонное теченіе (анархизмъ и социализмъ) постепенно втекаетъ въ оппозиціонное (общественные элементы съ Государственной Думой во главѣ); такимъ образомъ, оппозиціонное теченіе совпадаетъ съ революціоннымъ и стремится захватить власть, вслѣдствіе чего слѣдуетъ бороться съ оппозиціей всѣми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далѣе, Протопоповъ, по словамъ Покровскаго, предлагалъ «графическую схему» и «несъ околесную», такъ что нѣсколько лицъ переглянулись и спросили другъ друга: «Вы что-нибудь поняли?» Характерно, однако, что мнѣніе Протопопова и было принято; правда, онъ пошелъ на извѣстную уступку.

Среди членовъ правительства было немного лицъ, о которыхъ можно говорить подробно, такъ какъ ихъ личная дѣятельность мало чѣмъ отмѣчена; всѣ они неслись въ неудержимомъ водоворотѣ къ неминуемой катастрофѣ. Среди нихъ были и люди высокой честности, какъ напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатъевъ, много разъ просившійся въ отставку и смѣненный Кульчицкимъ лишь за два мѣсяца до переворота, или министръ иностранныхъ дѣлъ Покровскій, которому приходилось указывать на невозможность руководить внѣшней политикой при существующемъ курсѣ политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сдѣлать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль въ февральскіе дни пришлось сыграть послѣднему военному министру генералу Бѣляеву, котораго Родзянко считаетъ человѣкомъ порядочнымъ. А. А. Поливановъ характеризуетъ его, какъ своего бывшаго ученика — старательнаго и добросовѣтнаго, но къ творчеству неспособнаго и склоннаго къ угодничеству.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ лицъ, которыя приняли участіе въ развертывающихся событіяхъ и готовились стать у власти. Одинъ изъ нихъ — бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, любимецъ царя, Н. Маклаковъ, котораго царскій курьеръ не засталъ на Рождествѣ въ Петербургѣ; повидимому, онъ имѣлъ шансы смѣнить Протопопова; будучи человѣкомъ правыхъ убѣжденій, Маклаковъ сознавалъ «внѣ суматохи и безконечнаго верченія административнаго колеса», что дѣло правыхъ, которыхъ «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другимъ претендентомъ на власть, который долженъ былъ наканунѣ переворота стать замѣстителемъ генерала Батюшина, былъ С. Бѣлецкій, выдающійся въ свое время директоръ департамента полиціи, едва не ставшій оберъ-прокуроромъ синода; это былъ человѣкъ практики, услужливый и некательный, который умѣлъ «всюду втереться».

Послѣднему министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову суждено было занять исключительное мѣсто въ правительственной средѣ. Роль его настолько велика, что на его характеристикѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

А. Д. Протопоповъ, помѣщикъ и промышленникъ изъ симбирскихъ дворянъ и членъ Государственной Думы отъ партіи 17 октября, былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя четвертой Государственной Думы. О немъ заговорили тогда, когда, весной 1916 года, онъ отправился за границу, въ качествѣ члена парламентской делегаціи, и на обратномъ пути, въ Стокгольмѣ, имѣлъ бесѣду съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ. Подробности этой бесѣды, имѣвшей цѣлью нащупать почву для заключенія мира, передавались различно не только лицами, освѣдомленными о ней, но и самимъ Протопоповымъ.

Въ то время у Протопопова были уже широкіе планы. Онъ делѣялъ мысль о большой газетѣ, которая объединила бы промышленные круги, и въ которой сотрудничали бы «лучшіе писатели — Милуковъ, Горькій и Меньшиковъ». Газета воплотилась впоследствии въ «Русскую Волю». Тогда же въ голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчетъ министерства», ибо «честолюбіе его бѣгало и прыгало»: первоначально онъ думалъ лишь о министерствѣ торговли.

Дѣйствуя одновременно въ разныхъ направленіяхъ и не порывая отношеній съ думскою средой, Протопоповъ сумѣлъ проникнуть къ царю и заинтересовать его своей стокгольмской бесѣдой, а также — приблизиться къ Бадмаеву, съ которымъ свела его болѣзнь, и къ его кружку, гдѣ онъ узналъ Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопоповъ, неожиданно для всѣхъ и нѣсколько неожиданно для самого себя, былъ, при помощи Распутина, назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ему сразу же довелось проникнуть въ самый «мистическій кругъ» царской семьи, оставивъ за собой какъ Думу и прогрессивный блокъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, такъ и чуждые ему бюрократическіе круги, для которыхъ онъ былъ непріятель, и придворную среду, которая видѣла въ немъ выскочку.

Почувствовавъ «откровенную преданность» и искреннее обожаніе къ «Хозяину Земли Русской» и его семьѣ, и получивъ кличку «Калинина» (данную Распутиннымъ), Протопоповъ, съ присущими ему легкомысліемъ и «маніей величія», задался планами спасенія Россіи, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Онъ замышлялъ передать продовольственное дѣло въ министерство внутреннихъ дѣлъ, произвести реформу земства и полиціи и разрѣшить еврейскій вопросъ.

На дѣлѣ оказалось прежде всего полное незнакомство съ вѣдомствомъ, сказавшееся, напримѣръ, при посѣщеніи Москвы, описанномъ Челноковымъ. Протопоповъ сталъ управлять министерствомъ, постоянно болѣя «дипломатическими болѣзнями», при помощи многочисленныхъ и часто мѣняющихся товарищей; среди нихъ были неофициальные, какъ Курловъ, возбуждавшій особую къ себѣ и своему прошлому ненависть въ общественныхъ кругахъ. Протопопову, по его словамъ, «некогда было думать о дѣлѣ»; онъ втягивался все болѣе въ то, что называлось въ его времена «политикой»; будучи «рѣдкимъ гостемъ въ Совѣтѣ Министровъ», онъ былъ частымъ гостемъ Царскаго Села.

Съ перваго шага, Протопоповъ возбудилъ къ себѣ нелюбовь и презрѣніе общественныхъ и правительственныхъ круговъ. Отношеніе Думы сказалось на

совѣщаніи съ членами прогрессивнаго блока, устроенномъ 19 октября у Родзянко, но Протопоповъ, желавшій, «чтобы люди имѣли счастье» и полагавшій, что «нельзя геній цѣлаго народа поставить въ рамки чиновничьей указки», оказался несмотря на жандармскій мундиръ Плеве, въ которомъ онъ однажды щегольнулъ передъ думскою комиссіей, непріемлемымъ и для бюрократіи, увидавшей въ немъ мечтателя и общественнаго дѣятеля; недаромъ самъ Распутинъ сказалъ однажды, что Протопоповъ — «изъ того же мѣшка», и что у него «честь тянется, какъ подвязка».

Къ этому присоединилось вліяніе личнаго характера Протопопова, который «сталъ въ контры съ собственной Думою» и заставилъ многихъ сдѣлать изъ него «притчу во языцѣхъ» и отнести къ нему юмористически. Характерно, напри- мѣръ, его (ставшее извѣстнымъ лишь впоследствии) знакомство съ гадателемъ Шарлемъ Перэномъ, едва ли не германскимъ шпиономъ, о чемъ и предупреждалъ директоръ департамента полиціи; Протопоповъ не хотѣлъ объ этомъ знать, вѣруя въ свой «рокъ»; онъ неудержимо интересовался тѣмъ, что говорилъ ему Перэнъ: что «его планета — Юпитеръ, которая проходитъ подъ Сатурномъ, и разныя гороскопическія вещи».

Полная неудача въ замысленныхъ реформахъ и травля со всѣхъ сторонъ озлобили Протопопова. Въ то время какъ Милуковъ, наканунѣ убійства Распутина, назвалъ его въ Думѣ «загадочной картинкой», Протопоповъ вступилъ уже на путь «революціонно-правой», по собственному выраженію, политики, выразившейся въ борьбѣ съ Государственной Думой, запрещеніи съѣздовъ, преслѣдованіи общественныхъ организацій и печати, давленіи на выборы и, наконецъ, многочисленныхъ арестахъ, завершившихся январскимъ арестомъ рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Этимъ, а также и тѣмъ, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его съ духомъ Царскаго Села, объясняется его пребываніе на посту до конца; послѣ убійства Распутина 17 декабря положеніе Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря онъ былъ изъ управляющихъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ окружавшіе его враждебные толки и на многочисленныя попытки весьма вліятельныхъ лицъ заставить его уйти, продолжалъ свое дѣло до послѣдней минуты.

Личность и дѣятельность Протопопова сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ ускоренія разрушенія царской власти. Распутинъ наканунѣ своей гибели, какъ бы, завѣщавъ свое дѣло Протопопову, и Протопоповъ исполнилъ завѣщаніе. Въ противоположность обыкновеннымъ бюрократамъ, которымъ многолѣтній чиновничій опытъ помогавъ сохранить видимость государственнаго смысла, Протопоповъ принесъ къ самому подножію трона весь истерическій клубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей; какъ мячъ, запущенный разчетливою рукой, безпорядочно отскакивающій отъ стѣнъ, онъ внесъ развалъ въ кучу порядливо разставленныхъ, по видимости устойчивыхъ, а на дѣлѣ шаткихъ кегель государственной игры.

Въ этомъ смыслѣ Протопоповъ оказался, дѣйствительно, «роковымъ человекомъ».

II

Настроение общества и события накануне переворота

Январские и февральские доклады петербургского охранного отделения — Аресты Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета и роль Обросимова — Выделение петербургского округа — Приготовление к 14 февраля — Настроения светских кругов и армии — Последний всеподданный доклад Родзяко — Н. Махлаков и его проект манифеста — Открытие сессии законодательных палат.

Таково было состояние власти, «охваченной», по выражению Гучкова, «процессами гниения», что сопровождалось «глубоким недоверием и презрением к ней всего русского общества, внешними неудачами и материальными невзгодами в тылу». За несколько месяцев до переворота, в особом совещании по государственной обороне, под председательством генерала Бляева, Гучков сказал в своей речи: «если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей армии руководил германский генеральный штаб, он не создал бы ничего, кроме того, что создала русская правительственная власть». Родзяко назвал деятельность этой власти «плановым и правильным изгнанием всего того, что могло принести пользу в смысле победы над Германией».

Единственным живым органом, который учитывал политическое положение и понимал, насколько опасна для разстроенного правительства организованная общественность, которая, в лице прогрессивного блока, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций, давно могла с гораздо большим успехом действовать в направлении обороны страны, был департамент полиции. Доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику общественных настроений; они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже слышать не могла.

В секретном докладѣ «отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столицѣ» от 5 января, на основании добытого через секретную агентуру осведомительного материала, сообщается, что, по слухам, были передъ Рождествомъ какіе-то заговорившія совѣщанія членовъ лѣваго крыла Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать передъ Высочайшею Властью объ удаленіи цѣлаго ряда представителей правительства съ занимаемыхъ ими постовъ; во главѣ означеннаго списка стоятъ Щегловитовъ и Протопоповъ.

«Настроение в столицѣ носитъ исключительно тревожный характеръ. Циркулируютъ в обществѣ самые дикіе слухи, какъ о намѣреніяхъ Правительственной власти, в смыслѣ принятія различнаго рода реакціонныхъ мѣръ, такъ равно и о предположеніяхъ враждебныхъ этой власти группъ и слоевъ населенія, в смыслѣ возможныхъ и вѣроятныхъ революціонныхъ начинаній и эксцессовъ. Всѣ ждутъ какихъ-то исключительныхъ событій и выступленій, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Однако же серьезно и съ тревогой ожидаютъ, какъ разныхъ революціонныхъ вспышекъ, такъ равно и несомнѣннаго якобы в ближайшемъ будущемъ, «дворцоваго переворота», провозвѣстникомъ коего, по общему убѣжденію, явился актъ в отношеніи «пресловутаго старца».

Далѣе сообщается, что всюду идутъ толки объ общемъ (а не только партійномъ) террорѣ, в связи съ вѣроятнымъ окончательнымъ роспускомъ Думы. Политическій моментъ напоминаетъ канунъ 1905 года; «какъ и тогда, все

началось съ безконечныхъ и безчисленныхъ съѣздовъ и совѣщаній общественныхъ организацій, выносившихъ резолюціи рѣзкія по существу, но несомнѣнно, въ весьма малой и слабой степени выражавшія истинные размѣры недовольства широкихъ народныхъ массъ населенія страны».

«Весьма вѣроятно, что начнутся студенческіе безпорядки, къ которымъ примкнутъ и рабочіе, что все это увѣичается попытками къ совершенію террористическихъ актовъ, хотя бы въ отношеніи новаго Министра Народнаго Просвѣщенія или Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ главнаго, по указаніямъ, виновника всѣхъ золъ и бѣдствій, испытываемыхъ страной».

«Либеральная буржуазія вѣритъ, что въ связи съ наступленіемъ перечисленныхъ выше ужасныхъ и неизбѣжныхъ событій, Правительственная власть должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функцій въ руки кадетъ, въ лицѣ лидируемаго ими прогрессивнаго блока, и тогда на Руси «все образуется». Лѣвые же упорно утверждаютъ, что наша власть зарвалась, на уступки ни въ коемъ случаѣ не пойдетъ и, не оцѣнивая въ должной мѣрѣ создавшейся обстановки, логически должна привести страну къ неизбѣжнымъ переживаніямъ стихійной и даже анархической революціи, когда уже не будетъ ни времени, ни мѣста, ни основаній для осуществленія кадетскихъ возжелѣній и когда, по ихъ убѣжденіямъ, и создастся почва для «превращенія Россіи въ свободное отъ царизма государство, построенное на новыхъ социальнихъ основахъ».

Передъ 9 января начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ докладываетъ о «настроеніяхъ революціоннаго подполья» по партіямъ и приходитъ къ слѣдующему выводу «Рядъ ликвидаций послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ ослабилъ силы подполья и вынѣ, по свѣдѣніямъ агентуры, къ 9 января возможны лишь отдѣльныя разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будетъ носить неорганизованный характеръ». Однако же, здѣсь констатируется «общая распропагандированность пролетаріата».

19 января слѣдуетъ вновь обширный «совершенно секретный» докладъ охраннаго отдѣленія. «Отсрочка Думы продолжаетъ быть центромъ всѣхъ сужденій... Ростъ дороговизны и повторныя неудачи правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ исчезновеніемъ продуктовъ вызвали еще передъ Рождествомъ рѣзкую волну недовольства... Населеніе открыто (на улицахъ, въ трамваяхъ, въ театрахъ, магазинахъ) критикуетъ въ недопустимомъ по рѣзкости тонѣ всѣ Правительственныя мѣропріятія».

Отмѣчаются «успѣхъ крайне лѣвыхъ журналовъ и газетъ («Лѣтопись», «Дѣло», «День», «Русская Воля» и появленіе «Луча»); оппозиціонныя рѣчи въ самыхъ умѣренныхъ по своимъ политическимъ симпатіямъ кругахъ»; довѣрчивость широкихъ массъ къ Думѣ, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужествѣ Милюкова и Родзянки» послѣ 1 ноября.

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей — въ туманѣ», пытается «злостными сплетнями» о «Думской петиціи», объ «организации офицеровъ, постановившей убить рядъ лицъ, якобы, мѣшающихъ обновленію Россіи».

«Неспособные къ органической работѣ и переполнившіе Государственную Думу политики... способствуютъ своими рѣчами разрухѣ тыла... Ихъ пропаганда, не остановленная Правительствомъ въ самомъ началѣ, упала на почву усталости отъ войны; дѣйствительно возможно, что роспускъ Государ-

ствеюй Думы послужитъ сигналомъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что Правительству придется бороться не съ ничтожною кучкою оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей».

«Резюмируя эти колеблющія настроенія въ нѣсколькихъ словахъ, можно сказать, что ожидаемый массами въ февралѣ мѣсяцъ роспускъ Государственной Думы не обязательно вызоветъ, но легко можетъ вызвать всеобщую забастовку, которая объединитъ въ себѣ всевозможныя политическія направленія и которая, начавшись подъ флагомъ популярной сейчасъ «борьбы за Думу», окончится требованіемъ окончанія войны, всеобщей амнистіи, всѣхъ свободъ и пр.».

«Въ дѣйствующей арміи, согласно повторнымъ и все усиливающимся слухамъ, терроръ широко развитъ въ примѣненіи къ нелюбимымъ начальникамъ, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ». «Поэтому, слухи о томъ, что за убійство Распутина — этой «первой ласточки» террора — начнутся другіе «акты», — заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія... Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «шопоткомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрно, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно не одобровать». Характерный показатель того, что озлобленное настроеніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ гекатомбъ изъ труновъ министровъ, генераловъ... Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затрагивающія даже Священную Особу Государя Императора».

Далѣе сообщаются слухи о «національной партіи», образованной Пуришкевичемъ, о рѣзко намѣчающемся авантюризмѣ нашихъ доморожденныхъ «Юань-Шикаевъ», въ лицѣ Гучкова, Коновалова, кн. Львова, стремящихся использовать могущія неожиданно вспыхнуть «событія» въ своихъ личныхъ видахъ и цѣляхъ и беззастѣнчивымъ провокаціоннымъ образомъ муссирующихъ настроеніе представителей авторитетныхъ рабочихъ группъ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ».

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго: «если рабочія массы пришли къ сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи — къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора», то это указываетъ на «жажду общества найти выходъ изъ создавшагося политически-ненормальнаго положенія», которое съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе».

Слѣдующій «совершенно секретный» докладъ генерала Глобачева относится къ 26 января.

«Передовые и руководящіе круги либеральной оппозиціи, сообщается здѣсь, уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфелей удастся захватить въ свои руки». При этомъ, «въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы», которыя «самымъ кореннымъ образомъ расходятся по вопросу о томъ, какъ раздѣлить «шкуру медвѣдя».

«Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламскаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» предсѣдателемъ Государственной Думы — шталмейстеромъ Родзянко». Они окончательно извѣрились въ возможность принудить представителей Правительства уйти со своихъ постовъ добровольно и

передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить въ Россіи начала «истиннаго парламентаризма по западно-европейскому образцу». Поэтому, ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы «заручиться хотя бы дутыми директивами «парода», для чего войти въ сношеніе съ «сохранившей свою революціонную физиономію, но въ то же самое время явно отклонившейся отъ руководящихъ круговъ соціалистическаго стараго «Интернаціонала» рабочей группой». «Давъ время рабочей массѣ самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и черезъ созданную ею особую «пропагандистскую коллегію» должны организовать рядъ массовыхъ собраний по фабрикамъ и заводамъ столицы и, выступая на таковыхъ, предложить рабочимъ прекратить работу въ день открытія засѣданій Государственной Думы — 14 февраля с. г. — и, подъ видомъ мирно настроенной манифестаціи, проникнуть ко входу въ Таврической Дворецъ. Здѣсь, вызвавъ на улицу предсѣдателя Государственной Думы и депутатовъ, рабочіе въ лицѣ своихъ представителей, должны громко и открыто огласить принятыя на предварительныхъ массовыхъ собраніяхъ резолюцію съ выраженіями ихъ категорической рѣшимости поддержать Государственную Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». При этомъ, опасенія рабочей группы противодѣйствія со стороны «инакомыслящихъ подпольныхъ соціалистическихъ теченій» отпали, потому что «соціалъ-демократическія группы большевиковъ, объединенцевъ и интернационалистовъ-ликвидаторовъ не склонны ни противодѣйствовать, ни способствовать ихъ затѣѣ», а «занять выжидательную позицію».

Во главѣ второй группы, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» изъ рукъ представителей думской оппозиціи, стоятъ не менѣе жаждущіе власти А. И. Гучковъ, князь Львовъ, С. Н. Третьяковъ, Коноваловъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другіе». Эта группа рассчитываетъ на то, что думцы не учитываютъ «еще не подорваннаго въ массахъ лойяльнаго населенія обаянія Правительства» и — съ другой стороны — «инертности» народныхъ массъ. Вся надежда этой группы — неизбежный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддержанный всего на всего одной двумя сочувствующими воинскими частями». «Независимо отъ вышензложеннаго, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самымъ усерднымъ образомъ идетъ навстрѣчу первой», причемъ «заслуживаетъ исключительнаго вниманія возникшее по инициативѣ А. И. Гучкова предположеніе о созывѣ въ началѣ февраля особаго и чрезвычайнаго совѣщанія руководящихъ представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета, «Земгора», думскихъ оппозиціонныхъ фракцій, профессуры, общественныхъ организацій и, по возможности, Государственнаго Совета» . . .

«Что будетъ и какъ все это произойдетъ, заканчиваетъ охранное отдѣленіе, судить сейчасъ трудно, но, во всякомъ случаѣ, воинствующая оппозиціонная общественность безусловно не ошибается въ одномъ: событія чрезвычайной важности и чреватая исключительными послѣдствіями для русской государственности «не за горами».

Повидимому, непосредственнымъ результатомъ этого доклада и былъ арестъ рабочей группы, состоявшійся 27 января. Объ этой ликвидаціи охранное отдѣленіе составило секретный докладъ. Здѣсь указывается, что представители группы «организовали и готовили демонстративныя выступленія рабочей массы столицы на 14 февраля», съ тѣмъ, чтобы заявить депутатамъ Думы

свое «требованіе незамедлительно вступить въ открытую борьбу съ пинѣ существующимъ правительствомъ и Верховной властью и признать себя впредь до установленія новаго государственнаго устройства временнымъ правительствомъ. «Матеріаль, взятый при обыскахъ, вполне подтвердилъ изложенныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего переписка по этому дѣлу, въ виду признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 102 ст. Уг. Улож., передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Кромѣ того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегіи Рабочей Группы», у которой «достаточнаго матеріала для привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности не обнаружено»; тѣмъ не менѣе, они признаны «лицами безусловно вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; предложено выслать ихъ изъ Петербурга подъ гласный надзоръ полиціи.

А. И. Гучковъ, по его словамъ, былъ убѣжденъ, что департаменту полиціи удастся проникнуть въ среду тѣхъ человекъ пятнадцати рабочихъ, которые были въ составѣ Центрального Военно-Промышленнаго Комитета, о чемъ онъ не разъ предупреждалъ предсѣдателя рабочей группы Гвоздева. Арестъ былъ предпринятъ, повидимому, не департаментомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, «какъ актъ высокой политики». Въ этомъ сознался и Протопоповъ, который докладывалъ царю, что образованіе рабочей секціи опасно и напоминаетъ «организацію Хрусталева-Носаря 1905 г.». Протопоповъ совѣтовался объ арестѣ съ Хабаловымъ, который написалъ письмо Гучкову съ указаніемъ на революціонность Рабочей Группы. Отвѣта на это письмо не было, и Протопоповъ рѣшилъ произвести арестъ «по ордеру военнаго начальства», получивъ на это разрѣшеніе отъ царя.

Послѣ ареста Гучковъ и Коноваловъ предприняли три шага: во первыхъ, выступили съ протестомъ въ прессѣ; во вторыхъ, поѣхали къ князю Голицыну, минуя Бѣлецкаго, Васильева и Протопопова; съ послѣднимъ Гучкову особенно тяжело было встрѣчаться, какъ съ бывшимъ товарищемъ по фракціи.

«Если бы вамъ приходилось арестовывать людей за оппозиціонное настроеніе, то вамъ всѣхъ насъ пришлось бы арестовать», сказалъ Гучковъ Голицыну. Послѣдній «отнесся благосклонно», сослался на Протопопова и обѣщаль пересмотрѣть дѣло. Протопоповъ рассказываетъ, что Голицынъ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, арестовавъ рабочую группу послѣ того письма съ призывомъ рабочихъ къ спокойствію, которое было опубликовано въ газетахъ и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано въ департаментѣ полиціи). Гучковъ доказывалъ Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженнаго возстанія, ни переворота, но занималась политикой въ томъ смыслѣ, что считала возможнымъ рѣшеніе вопросовъ обороны лишь при условіи измѣненія политическихъ условій работы.

Третьимъ шагомъ Гучкова и Коновалова было собраніе представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета и особаго совѣщанія по оборонѣ. Объ этомъ собраніи обстоятельно повѣствуетъ совершенно секретный докладъ охраннаго отдѣленія отъ 31 января.

Собраніе состоялось 29 января въ 11 часовъ утра «экстренно и съ соблюденіемъ ряда предосторожностей, при участіи представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета (Гучковъ, Коноваловъ, Кутлеръ и др.), Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета (Переверзевъ и др.), Государственной Думы (Керенскій, Чхеидзе, Аджемовъ, Карауловъ, Милуковъ, Бубликовъ и др.),

Государственнаго Совѣта и Земскаго и Городскаго Союзовъ (фамиліи охранному отдѣленію неизвѣстны). Предсѣдательствовавшій Гучковъ сообщилъ объ арестѣ группы; всѣ высказали полное сочувствіе и готовность подать голосъ въ защиту организаціи. Охранное отдѣленіе заканчиваетъ свой докладъ хвастливымъ выводомъ, основаннымъ на наблюденіи «настроеній» участниковъ означеннаго совѣщанія: «имѣются всѣ данныя для того, чтобы признать фактъ ликвидаціи рабочей группы» Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета дѣйствительно исключительнымъ по неожиданности и впечатлѣнію ударомъ для оппозиціонной и на боевой ладъ настроившейся общественности. Розовыя перспективы хитро задуманныхъ и черезъ рабочую группу подготовлявшихся массовыхъ рабочихъ выступленій въ значительной степени поблекли; но, во всякомъ случаѣ, если многія рабочія души и отчаялись въ возможности осуществленія вождѣльническихъ достиженій, то болѣе стойкіе и упористо-настроенные «завоеватели власти» могли съ досадою воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать сначала».

Въ докладѣ подробно описано настроеніе собравшихся и содержаніе ихъ рѣчей. Между прочимъ, содержаніе рѣчи нѣкагого представителя рабочей группы, рабочаго Обросимова скромно излагается такъ: онъ «указалъ на ошибку тѣхъ, кто стремится видѣть въ арестѣ представителей группы лишь своего рода юридически интересный фактъ; здѣсь нужно признать наличность явленія, имѣющаго крупное политическое значеніе и въ той или иной мѣрѣ задѣвлюющаго русскую общественность».

А. И. Гучковъ рассказываетъ, что Обросимовъ, къ удивленію его оказавшійся на свободѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь о томъ, что группа только прикидывалась мирной, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ революціонныя цѣли вплоть до вооруженнаго возстанія и сверженія власти, для чего и пошла въ Комитетъ.

Обросимовъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія власти. Гучковъ, всегда относившійся къ нему съ предубѣжденіемъ, отвѣтилъ, что его слова расходятся съ тѣмъ, что ему, Гучкову, извѣстно, и съ тѣмъ, что говорили Гвоздевъ и его товарищи, сидящіе подъ арестомъ. Обросимовъ замолчалъ и сѣлъ; однако его слова смутили присутствующихъ. Чхендзе и другіе лѣвые промолчали, повидимому, не слишкомъ довѣряя аудиторіи.

Обросимовъ принадлежалъ вообще къ самому лѣвому флангу и науськивалъ группу на самыя рѣзкія выступленія даже на сѣздѣ. Группа была арестована вся, кромѣ двухъ рабочихъ, которыхъ не было въ городѣ, и Обросимова, объяснившаго, что его не было дома. Предсѣдатель группы Гвоздевъ не убѣдился подозрѣніями Гучкова и довѣрчиво считалъ, что Обросимовъ человекъ хорошій. Гучкова же убѣждало въ томъ, что Обросимовъ не чистъ, еще и то обстоятельство, что ему было извѣстно, что въ департаментѣ полиціи имѣется подробный отчетъ о совѣщаніи, не могшій пройти черезъ канцелярію Военно-Промышленнаго Комитета. Протопоповъ рассказываетъ, что Обросимовъ согласился отбыть наказаніе, и что онъ, Протопоповъ, испросилъ бы у царя помилованіе этому сотруднику и далъ бы ему возможность бѣжать, какъ это дѣлалось обычно. Обросимовъ, по словамъ Гучкова, человекъ «недалекій, неспособный, пасивнѣйшій».

Подробности совѣщанія группы Гучкова неизвѣстны; «къ намъ, говоритъ онъ, они приходили уже сговорившимися, застрѣльщиками»; они вошли въ группу не столько изъ интереса къ работѣ по оборонѣ, сколько изъ-за того, что тутъ имъ представлялась единственная возможность организовать въ легальной формѣ, для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Послѣ ареста Обросимова Протопоповъ боялся, что департаментъ полиціи не будетъ больше получать свѣдѣній о рабочей средѣ. Васильевъ успокоилъ его, что свѣдѣнія будутъ «также, какъ и прежде». «Очевидно, говоритъ Протопоповъ, постоянныхъ сотрудниковъ въ рабочей средѣ департаментъ полиціи имѣлъ достаточно».

Былъ проектъ арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопоповъ доложилъ, что арестъ только «увеличилъ бы его популярность», которая «будетъ подорвана, когда обнаружатся злоупотребленія въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ». «Царь, прибавляетъ онъ, понималъ, что я ему доложилъ правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что «за арестъ секціи въ Царскомъ Селѣ ему поставленъ плюсъ».

Итакъ, министерство внутреннихъ дѣлъ «нанесло ударъ оппозиціи»; однако, тревожное настроеніе росло. Глобачевъ доноситъ о забастовкахъ и сходкахъ на фабрикахъ и заводахъ 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширнѣйшій и совершенно секретный докладъ о «положеніи продовольственнаго дѣла въ столицѣ», а 7 февраля — соображенія по поводу «широкаго распространенія спиртовыхъ суррогатовъ» — лаковъ и политуры.

Въ началѣ февраля петербургскій военный округъ былъ выдѣленъ изъ сѣвернаго фронта въ особую единицу, съ подчиненіемъ его генераль-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкія права. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ членъ Военнаго Совѣта, генераль Фроловъ: «Въ одномъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта въ концѣ января или въ началѣ февраля въ Совѣтъ былъ внесенъ докладъ по Главному Управленію Генеральнаго Штаба по отдѣлу объ устройствѣ и службѣ войскъ о выдѣленіи изъ района арміи сѣвернаго фронта Петербургскаго военнаго округа и о подчиненіи командующаго войсками военному министру. По чьему желанію это было сдѣлано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанію генерала Бѣляева и въ экстренномъ порядкѣ. Мотивировалось это особыми условіями, въ которыхъ находится Петроградъ съ его окрестностями. При обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ этого проекта, послѣдній подвергся существенному измѣненію, въ смыслѣ изъятія его изъ подчиненія военному министру. . . . Генераль Бѣляевъ согласился на сдѣланныя измѣненія. Меня очень поразило это желаніе въ проектѣ подчинить командующаго войсками военному министру, несмотря на широкія полномочія, которыя проектъ предоставлялъ командующему войсками по сравненію съ командующими войсками внутреннихъ округовъ, каковыя по закону по отношенію къ военному министру не ставятся въ подчиненіе. Я лично объяснилъ себѣ предоставленіе такихъ большихъ полномочій командующему войсками цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ рабочими волненіями».

Протопоповъ описываетъ, какъ онъ былъ по этому поводу у императрицы, бранилъ Рузскаго и хвалилъ Хабалова, настаивая на выдѣленіи Петербургскаго округа. Хабаловъ являлся царю и императрицѣ, послѣ чего протопоповскій планъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ докладѣ охраннаго отдѣленія отъ 5 февраля говорится: «съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе, заставляетъ обывателя ругать всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ касательство къ продовольствію, самыми нецензурными выраженіями». Слѣдствіемъ новаго повышенія цѣнъ и исчезновенія съ рынка предметовъ первой необходимости явился «новый взрывъ недовольства», охватившій «даже консервативные слои чиновничества». . . «Тщетно публицисты въ газетахъ призываютъ къ терпѣнію. . . . Никогда еще не было

столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ». «Обывателя стригутъ по нѣсколько разъ въ день, и онъ по своей безнечности лишь вопить къ администраціи: «спасите, не дайте снять совершенно шкуру!»

Выводъ доклада: «если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты, то это еще не означаетъ, что оно ихъ не устроитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ: озлобленіе растетъ, и конца его росту не видать. . . . А что подобнаго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ явятся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу бессмысленныхъ и беспощадныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ — анархической революціи — сомнѣваться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжаютъ поступать доклады о забастовкахъ на разныхъ заводахъ, сопровождающихся иногда вмѣшательствомъ полиціи, въ которую 8 февраля на Путиловскомъ заводѣ «посынался градъ желѣзныхъ обломковъ и шлака».

7 февраля охранное отдѣленіе доноситъ, что «предстоящее 14 февраля открытіе Государственной Думы создастъ повышенное настроеніе» въ столицѣ, и что, несмотря на ликвидацію рабочей группы, «нынѣ слѣдуетъ считать неизбежными стачки 14 февраля и попытки устроить шествіе къ Таврическому Дворцу, не останавливаясь даже передъ столкновеніями съ полиціей и войсками». «С.-д. большевики, относясь къ Рабочей Группѣ, какъ къ организаціи политически нечистой, и не признавая Государственной Думы, постановили рѣшеніе группы не поддерживать, а создать движеніе пролетаріата собственными силами, иррегуляривъ выступленіе къ 10 февраля, то-есть къ годовщинѣ суда надъ бывшими членами с.-д. фракціи большевиковъ Государственной Думы. Въ этотъ день предполагается всеобщая стачка. . . . С.-д. объединенцы (Междурайонный Комитетъ) и с.-д. меньшевики (Центральная Инициативная Группа) вынесли рѣшенія, вополнѣ аналогичныя съ большевиками» . . .

Глобачевъ заключаетъ свой докладъ обѣщаніемъ «со стороны ввѣреннаго ему отдѣленія принять всевозможныя мѣры къ предотвращенію и ослабленію грядущихъ весьма серьезныхъ событій».

9 февраля въ газетахъ появилось объявленіе Хабалова петербургскимъ рабочимъ, сопровождаемое воззваніемъ Милюкова.

Кромѣ агентуры въ рабочей, интеллигентской и обывательской средѣ, существовали освѣдомители и въ свѣтскомъ обществѣ. На двухъ листкахъ отъ 28 января и отъ 10 февраля, сообщенныхъ Васильевымъ Протопопову, содержатся интересныя данныя о графинѣ И. И. Шереметьевой, рожденной графинѣ Воронцовой-Дашковой, которая считается «либеральной дамой»; «ее увлекла мысль создать у себя вліятельный либерально-аристократическій политическій салонъ». Сообщается, что «слухи о заговорѣ и чуть ли не декабристскихъ кружкахъ въ средѣ офицеровъ гвардейской кавалеріи подтвержденія не встрѣчаютъ». «Политическихъ дамъ» въ Кавалергардекомъ и Лейбъ-Гусарскомъ полкахъ нѣтъ. «Нѣчто подобное» — салонъ жены бывшаго кавалергарда г-жи Лазаревой, родной тетки причастнаго къ убійству Распутина Сумарокова-Эльстона; домъ ея посѣщаютъ кавалергарды, а иногда Родзянко, который здѣсь дѣлится своими думскими впечатлѣніями. Кавалергарды и лейбъ-гусары нѣсколько будируютъ на разруху и на Царское Село. Они полагаютъ, что убійствомъ Распутина вредныя вліянія не исчерпаны. Тяжело отражается на нихъ и отсутствіе побѣдъ: они «закисли»; по даннымъ о зрѣющемъ заговорѣ — нѣтъ (впрочемъ въ одной подобной же запискѣ, безъ подписи отъ 25 января, указано — что выясняются

симптомы происходящей группировки офицеров гвардейских полков. Такъ, въ настоящее время, повидимому, «по опредѣленному плану используется отпускъ офицеровъ гвардейской кавалеріи»; слѣдуютъ подробности о лейбъ-гусарахъ, синихъ кирасирахъ и связяхъ нѣкоторыхъ круговъ съ Родзянко).

Среди депутатовъ-націоналистовъ, сообщается далѣе, разнесся слухъ, что великій князь Дмитрій Павловичъ убитъ на фронтѣ. Графиня Игнатъева опровергаетъ этотъ слухъ, такъ же, какъ и другіе «злостные вымыслы — объ отреченіи Государя Императора отъ престола».

Къ предстоящей сессіи Государственной Думы графиня Игнатъева относится спокойно, не раздѣляя опасеній правыхъ о «грандіозномъ скандалѣ». Относительно Протопопова, который посѣтилъ ее, графиня полагаетъ, что «Россія, со времени историческихъ людей, не имѣла такого сильнаго, мужественнаго, православно-религіознаго человѣка, преданнаго Царю и Родинѣ», и находитъ, что онъ очень бодръ, молодежавъ и свѣжъ на видъ (интересно отмѣтить, что Протопоповъ, по собственному признанію, посѣщалъ графиню Игнатъеву съ тѣмъ, чтобы узнать, какія собранія у нея происходятъ).

Далѣе приводится интересное мнѣніе графини Игнатъевой о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать жалованія духовенству (тогда засѣдала комиссія подъ предсѣдательствомъ Пнтирима) потому, что всѣ ассигновки, кромѣ военныхъ, должны быть сокращены, а священники очень хорошо обеспечены, и имѣли бы еще больше доходовъ, если бы не лѣнились посѣщать частные дома съ молитвою въ праздничные дни; предвыборной агитаціи священники тоже не умѣютъ вести, а политическое вліяніе на крестьянъ имѣютъ «велосипедисты», агитирующіе среди крестьянъ «гдѣ-нибудь въ полѣ» и раздающіе имъ «листочки» съ заманчивыми обѣщаніями.

О настроеніяхъ арміи рассказываетъ тотъ же Протопоповъ, который, не довѣряя свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, хотѣлъ возстановить въ войскахъ постоянную секретную агентуру, уничтоженую генераломъ Джунковскимъ, о чемъ и докладывалъ царю. Несмотря на согласіе царя, департаментъ полиціи не успѣлъ завести постоянныхъ сотрудниковъ въ армію; однако, до Протопопова доходили свѣдѣнія, что «настроеніе и тамъ повышается». «Я зналъ, пишетъ онъ, что въ войскахъ читаются газеты преимущественно лѣваго направленія, распространяются воззванія и прокламаціи; слышалъ, что служащіе Земскаго и Городскаго Союзовъ агитируютъ среди солдатъ; что генераль Алексѣевъ сказалъ царю: «Войска уже не тѣ стали», намекая на растущее въ нихъ оппозиціонное настроеніе... Я думалъ, что настроеніе запасныхъ батальоновъ и другихъ войскъ, стоявшихъ въ Петроградѣ, мнѣ болѣе извѣстно; считалъ благонадежными учебныя команды и всѣ войска, за исключеніемъ частей, наполняемыхъ изъ рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тутъ былъ не освѣдомленъ... Я докладывалъ царю, что оппозиціонно настроены высшій командный составъ и низшій; что въ прапорщики произведены многіе изъ учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны; что офицеры генеральнаго штаба полѣвѣли; надѣлавъ въ войну столько ошибокъ, они должны были покраснѣть и чувствовать, что послѣ войны у нихъ отнимутся привилегіи по службѣ; что оппозиція не искала бы опоры въ рабочемъ классѣ, если бы войско было бы революціонно настроено. Царь, повидимому, былъ доволенъ моимъ докладомъ; онъ слушалъ меня внимательно».

Лицомъ, заинтересованнымъ въ настроеніяхъ арміи съ другой стороны, былъ Гучковъ, который полагалъ, что въ концѣ года никого не приходилось убѣждать

въ томъ, что старый режимъ сгнилъ. Гучковъ надѣялся, что армія, за малыми исключеніями, станетъ на сторону переворота, сопровождаемаго террористическимъ актомъ (какъ лейбъ-кампанцы XVIII вѣка или студентъ съ бомбой), но не стихійнаго и не анархическаго, а переворота, подобнаго заговору декабристовъ. Существовалъ планъ захватить императорскій поѣздъ между Ставкой и Царскимъ и вынудить у царя отреченіе; одновременно, при помощи войскъ арестовать правительство и затѣмъ уже объявить о переворотѣ и о составѣ новаго правительства. Среди офицеровъ были и социалистически настроенные, готовые идти на республиканскій строй, но были также люди съ принципиальными вѣрованіями и симпатіями. «Отказа не было», но требовалась глубочайшая осторожность, ибо преждевременное раскрытіе сдѣлало бы невозможными дальнейшіе шаги.

Такъ осторожно опредѣляетъ настроеніе арміи человекъ, съ которымъ, по его словамъ, говорилъ откровенно простой солдатъ и генераль. Другой знатокъ арміи, генераль Н. І. Ивановъ просто отказывается судить о ней, говоря: «составъ офицеровъ и солдатъ, перемѣнившійся въ теченіе войны 4—6 разъ, не даетъ возможности судить, что представляютъ изъ себя тѣ части, которыя въ мирное время считались образцовыми».

Очень интересный документъ представляетъ письмо какого-то раненаго «офицера русской арміи», посланное изъ Москвы 25 января Протопопову (копія Милюкову). Авторъ письма говоритъ, съ одной стороны, что надо «обуздать печать» и послать Милюковыхъ и Маклаковыхъ въ окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидѣли, что такое война: легко имъ изъ кабинета предлагать воевать «до побѣднаго конца». Съ другой стороны, офицеръ считаетъ, что нельзя продолжать войну и надо заключить миръ, пока нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. «Если миръ не будетъ заключенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то можно съ увѣренностью сказать, что будутъ безпорядки . . . Люди, призванные въ войска, впадаютъ въ отчаяніе . . . не изъ малодушія и трусости, а потому что никакой пользы отъ этой борьбы они не видягъ».

Не лишена, наконецъ, интереса телеграмма командира третьяго коннаго корпуса графа Келлера, отиравленная царю уже послѣ отреченія.

Таково было настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества, когда Родзянко поѣхалъ въ Царское Село 10 февраля со своимъ послѣднимъ всеподданиѣйшимъ докладомъ. Царь еще въ декабрѣ очень сердился на Родзянко; новогодній приѣмъ отличался особой сухостью. Послѣдній же докладъ, названный въ газетахъ «высокомилостивымъ», былъ, по словамъ Родзянко «самый тяжелый и бурный». Царь, послѣ убійства Распутина, былъ заранѣе агрессивно настроенъ; императрица «пылала местию», видя въ каждомъ врага. Въ этотъ день у царя были великіе князья Александръ Михайловичъ и Михаилъ Александровичъ; послѣ Родзянки Щегловитовъ окончательно испортилъ дѣло своимъ докладомъ.

Родзянко рассказываетъ: когда онъ прочелъ докладъ, царь сказалъ: «Вы все требуете удаленія Протопопова?» — «Требую, ваше величество, прежде я просилъ, а теперь требую». — «То есть, какъ?» — «Ваше величество, спасайте себя. Мы наканунѣ огромныхъ событій, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ вамъ правительство и вы сами, до такой степени раздражаетъ населеніе, что все возможно. Всякій проходимецъ всеми командуетъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человеку, нельзя? Вотъ су-

ждение публики. Отъ публики это перейдетъ въ армію и получится полная апархія. Вы изволили иногда меня слушаться, и выходило хорошо».

«Когда?» — спросилъ царь. — «Вспомните, въ 1915 году вы уволили Маклакова». — «А теперь я о немъ очень жалѣю, — сказалъ царь, посмотрѣвъ въ упоръ, — этотъ, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій». — «Совершенно естественно, ваше величество, потому что сходить не съ чего». Царь засмѣялся: — «Ну, положимъ, это хорошо сказано».

«Ваше величество, нужно же принять какія-нибудь мѣры!» продолжалъ Родзянко: — «Я указываю здѣсь цѣлый рядъ мѣръ, это искренно написано. Что-же, вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

«Я сдѣлаю то, что мнѣ Богъ на душу положитъ».

«Ваше величество, вамъ, во всякомъ случаѣ, очень надо помолиться, усердно попросить Господа Бога, чтобы Онъ показалъ правый путь, потому что шагъ, который вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ».

Царь всталъ и сказалъ нѣсколько двусмысленностей по адресу Родзянко.

«Ваше величество, сказалъ Родзянко, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ вамъ». — «Почему?» — «Я полтора часа вамъ докладываю и по всему вижу, что васъ повели на самый опасный путь... вы хотите распустить Думу, я уже тогда не предсѣдатель, и къ вамъ больше не приѣду. Что еще хуже, я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ васъ, и вы уже не будете царствовать».

«Откуда вы это берете?»

«Изъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ они складываются. Нельзя такъ шутить съ народнымъ самолюбіемъ, съ народной волей, съ народнымъ самосознаніемъ, какъ шутятъ тѣ лица, которыхъ вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всякихъ Распутиныхъ. Вы, государь, пожнете то, что посѣяли». — «Ну, Богъ дастъ». — «Богъ ничего не дастъ, вы и ваше правительство все испортили, революція неминуема».

На слѣдующій день, или черезъ день, у царя былъ Н. Маклаковъ, вызванный Протопоповымъ изъ деревни въ началѣ февраля; Протопоповъ сказалъ Маклакову, что царь поручаетъ ему написать проектъ манифеста на случай, если ему будетъ угодно остановиться не на перерывѣ, а на роспускѣ Думы. Маклаковъ составилъ проектъ, основная мысль котораго заключалась въ обвиненіи личнаго состава Думы: она не сдѣлала первостепеннаго съ точки зрѣнія царя, не увеличила содержанія чиновничеству и духовенству; въ то время, когда всѣмъ надо быть воедино, идетъ борьба съ властью. Поэтому Государственная Дума распускается и новые выборы назначаются на 15 ноября 1917 года. Манифестъ кончается призывомъ царя ко всѣмъ вѣрнымъ — соединиться съ нимъ и вмѣстѣ послужить Россіи.

Этотъ проектъ Маклаковъ и свезъ царю лично, вмѣстѣ со слѣдующимъ письмомъ, помѣченнымъ 9 февраля:

«Ваше Императорское Величество, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вчера вечеромъ передалъ мнѣ о повелѣніи Вашего Величества написать проектъ манифеста о роспускѣ Государственной Думы. Дозвольте принести мнѣ Вамъ, Государь, мою горячую вѣрнопопданнѣйшую благодарность за то, что Вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ. Быть Вамъ полезнымъ — всегда такая радость для меня; быть Вамъ нужнымъ именно въ этомъ дѣлѣ — по истинѣ великое счастье. Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежащія слова для выраженія этого благо-

славляемаго мною взмаха Царской воли, который, какъ ударъ соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собратъся на молитву службы Родины со страхомъ Божьимъ, съ вѣрою въ нее и съ благословеніемъ передъ Царскимъ призывомъ. Мы обсудимъ внимательно, со всѣхъ сторонъ проектъ манифеста съ Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ испросить у Вашего Величества счастье лично представить его на Ваше милостивое благовоззрѣніе. Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы встрѣтить всѣ временныя осложненія, на которыя Дума и союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія въ связи съ роспускомъ Государственной Думы, подготовленнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, спокойнымъ и непоколебляющимся. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта Министровъ, и Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя оставить одного въ одиночествѣ со всей той Россіей, которая сбита съ толку. Власть болѣе, чѣмъ когда либо, должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть увѣренной въ побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе и ожесточеннѣе и наглѣе врага виѣшняго. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», Государь. Да благословитъ Господь Вашу рѣшимость и да направитъ Онъ Ваши шаги на счастье Россіи и Вашей славы. Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный Н. Маклаковъ». — Царь, торопившійся куда-то, велѣлъ Маклакову оставить письмо и сказалъ, что посмотреть.

Между тѣмъ, у Голицына, по обычаю, укоренившемуся съ Горемыкинскихъ временъ, были уже заранѣе заготовлены и подписаны царемъ указы Сенату, какъ о перерывѣ, такъ и роспускѣ Думы. Текстъ указа о роспускѣ былъ слѣдующій:

«На основаніи статьи 105 Основныхъ Государственныхъ Законовъ Повелѣваемъ: Государственную Думу распустить съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на (пропускъ числа, мѣсяца и года).

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

Николай».

Этотъ указъ былъ испрошенъ еще Штюмеромъ предъ 1 ноября; потомъ онъ былъ въ рукахъ у Трєпова и, наконецъ, перешелъ къ Голицыну, которому царь сказалъ: «Держите у себя, а когда пужно будетъ, используйте». Голицынъ передъ 14 февраля показывалъ бланкъ Ладыженскому, который, по его словамъ, убѣдилъ Голицына, что это будетъ нарушеніемъ основныхъ законовъ, съ чѣмъ Голицынъ согласился.

14 февраля открылись засѣданія Государственной Думы. Родзянко указалъ наканунѣ, въ бесѣдѣ съ журналистами, на вредъ уличныхъ выступленій и на «патріотическое» настроеніе рабочихъ. Въ засѣданіи, гдѣ присутствовалъ Голицынъ, Риттихъ, Шаховской, Кригеръ-Войновской и союзные послы, обширное разъясненіе далъ Риттихъ, рассмотрѣніе его разъясненій было отложено; большія рѣчи по общей политикѣ произнесли Чхеидзе, Пуршквичъ и Ефремовъ. Газеты констатировали, что первый день Думы кажется блѣднымъ, сравнительно съ общимъ настроеніемъ страны.

Открытие Государственнаго Совѣта ознаменовалось инцидентомъ: Щегловитовъ не далъ Д. Д. Гримму сдѣлать виѣочередное заявленіе, послѣ чего залъ

засѣданія покинула вся лѣвая группа, часть группы центра и нѣкоторые без-партийные.

Обыватели нѣсколько опасались съ утра выходить на улицу, но въ центрѣ города день прошелъ спокойно. По донесенію охраннаго отдѣленія бастовало 58 предпріятій — съ 89.576 рабочими, были отдѣльныя выступленія (на Петергофскомъ шоссе — съ красными флагами), попытки собраться у Таврическаго Дворца, подавленія полиціей, и сходки въ университетѣ и политехникумѣ.

15 февраля въ засѣданіи Государственной Думы произнесли по общей политикѣ рѣчи Милоковъ и Керенскій. «Кто то изъ министровъ или служащихъ канцеляріи» доложилъ кн. Голицыну, что рѣчь Керенскаго чуть ли не призывала къ царевубійству. Голицынъ попросилъ у Родзянки нецензурованную стенограмму рѣчи, въ чемъ Родзянко ему отказалъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, по его словамъ, не настаивалъ, и «былъ очень радъ», что Керенскій не произнесъ слова о царевубійствѣ, ибо «въ противномъ случаѣ онъ счелъ бы своимъ долгомъ передать депутата судебной власти».

Въ этотъ день бастовало только 20 предпріятій съ 24.840 рабочими, на Московскомъ шоссе появлялся красный флагъ, и въ университетѣ, гдѣ была сходка, вводили полицію. Въ слѣдующіе дни забастовки пошли на убыль, и до 23 февраля были только отдѣльные невыходы на работу и предъявленіе требованій со стороны рабочихъ.

III

Переворотъ

Послѣдовательный ходъ событій съ начала революціи (23 февраля) до отреченія Михаила Александровича (3 марта) — въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Могилевѣ, (Ставкѣ), Москвѣ, по пуги слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Могилева въ Псковъ и поѣзда съ отрядомъ генерала Иванова изъ Могилева въ Царское Село и обратно, и въ Псковѣ

22 февраля — въ среду — царь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку, въ Могилевъ. «Этотъ отъѣздъ, пишетъ Дубенскій, былъ неожиданный; многіе думали, что государь не оставитъ императрицу въ эти тревожные дни. Вчера прибывшій изъ Ялты генераль Спиридовичъ говорилъ, что слухи идутъ о намѣреніи убить Вырубову и даже Александру Федоровну, что ничего не дѣлается, дабы измѣнить настроеніе въ царской семьѣ, и эти слова вѣрны».

Разговоры объ отвѣтственномъ министерствѣ уже были; Дубенскій предполагаетъ, что произошло нѣчто, и царь вызвалъ Алексѣева. Царь уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вернуться 1 марта.

Въ четвергъ, 23 февраля, въ Петербургѣ начались волненія. Въ разныхъ частяхъ города народъ собирался съ криками «хлѣба». Появились красныя знамена съ революціонными надписями. Бастовало отъ 43 до 50 предпріятій, т. е. отъ 78.500 до 87.500 рабочихъ. За порядкомъ слѣдила еще полиція, но вызывались уже и воинскіе наряды.

Протопоповъ просилъ Хабалова выпустить воззваніе къ населенію о томъ, что хлѣба хватитъ.

Хабаловъ пригласилъ пекарей и сказалъ имъ, что волненія вызваны не столько недостаткомъ хлѣба, сколько провокаціей; послѣдній выводъ онъ сдѣлалъ изъ донесенія охраннаго отдѣленія объ арестѣ рабочей группы.

Запасы города и уполномоченнаго достигали 500.000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, чего, при желательномъ отпускѣ въ 40.000 пудовъ, хватило бы дней на 10—12. Хабаловъ потребовалъ отъ Вейса, чтобы онъ увеличилъ отпускъ муки. Вейсъ возражалъ, что надо быть осторожнымъ, и доложилъ, что лично видѣлъ достаточные запасы муки въ пяти лавкахъ на Самсоновскомъ проспектѣ. Генералъ для порученій Перцовъ, посланный Хабаловымъ, доложилъ, что и въ лавкахъ на Гороховой мука есть.

Въ засѣданіи Государственной Думы изъ членовъ правительства присутствовали Риттихъ и Рейнъ. Впервые появился депутатъ Марковъ 2-й. Происходили пренія по продовольственному вопросу, предѣдатель огласилъ письмо Рейна о снѣтнн имъ законопроекта объ образованіи вѣдомства государственнаго здравоохраненія. Соціалъ-демократы и трудовики внесли запросъ о расчетѣ рабочихъ на нѣкоторыхъ заводахъ.

День въ Могилевѣ прошелъ спокойно.

Въ пятницу, 24 февраля, появилось объявленіе Хабалова: «За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари. Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно».

По словамъ Балка, съ 11 час. дня все распорядительныя функціи по подавленію беспорядковъ перешли къ Хабалову и начальникамъ районовъ, которымъ подчинялась вся полиція.

Къ Хабалову явилась депутація отъ мелкихъ пекаренъ съ жалобами на то, что изъ-за объявленія на нихъ ваять, будто они прячутъ муку; у нихъ же мало муки, и рабочіе забраны на военную службу. Хабаловъ приказалъ немедленно переслать ихъ прошеніе о 1.500 рабочихъ въ отдѣлъ главнаго управленія генеральнаго штаба по отерочкамъ. Послѣ этого къ Хабалову явилась депутація отъ общества фабрикантовъ; они просили увеличить отпускъ муки для фабрикъ и дать муку отъ интендантства. Окружной интендантъ на запросъ Хабалова сказалъ, что у него на довольствіи 180.000 нижнихъ чиновъ, но удѣлилъ для фабрикъ до 3.000 п.

Въ городѣ бастовало уже отъ 158.500 до 197.000 рабочихъ. Толпы народа, въ теченіе всего дня, усиленно разгонялись полиціей, пѣхотными и кавалерійскими частями. На мостахъ стояли заставы, толпа съ Выборгской стороны шла по льду. Бѣляевъ посовѣтовалъ Хабалову стрѣлять по переходящимъ Неву, но такъ, чтобы пули ложились впереди нихъ. Хабаловъ не отдалъ такого приказа, считая его безцѣльнымъ.

Однако, были отдѣльные случаи стрѣльбы. Между прочимъ, въ 3 часа дня на Знаменскую площадь прорвалась толпа, впереди которой вѣхало до полусотни казаковъ разсыпнымъ строемъ. 15 конныхъ городскихъ были прогнаны визгомъ, свистомъ, полѣвьями, камнями и осколками льда; начался митингъ у памятника Александру III. Среди криковъ «да здравствуетъ республика», «долой полицію», раздавалось «ура» по адресу присутствующихъ казаковъ, которые отвѣчали народу поклонами.

Родзянко объѣхалъ утромъ городъ вмѣстѣ съ Риттихомъ, посѣтилъ Голицына и Бѣляева, котораго просилъ организовать совѣщаніе для передачи продовольствія городу.

Въ засѣданіи Государственной Думы, гдѣ продолжались пренія о продовольствѣ, настроеніе было тревожное. Въ перерывѣ происходило совѣщаніе совѣта старѣйшинъ.

Хабаловъ созвалъ у себя въ квартирѣ совѣщаніе, на которомъ присутствовали городской голова Леляновъ, его товарищъ Демкинъ, уполномоченный по Петербургу Вейсъ, градоначальникъ Балкъ, командующій войсками полковникъ Павленковъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ и жандармскаго отдѣленія Клыковъ, а также, кажется, Протопоновъ и Васильевъ. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію беспорядковъ. Рѣшили, во-первыхъ, слѣдить за болѣе правильнымъ распредѣленіемъ муки по пекарнямъ, причемъ Хабаловъ предложилъ Лелянову возложить эту обязанность на городскія попечительства о бѣдныхъ и на торговыя и санитарныя попечительства; во-вторыхъ, рѣшили въ ночь на 25-ое произвести обыски и арестовать уже намѣченныхъ охраннымъ отдѣленіемъ революціонеровъ, причемъ Глобачевъ указалъ, что назначено собраніе въ бывшемъ помѣщеніи рабочей группы; въ третьихъ, рѣшили вызвать запасную кавалерійскую часть въ помощь казакамъ перваго Донскаго полка, которые вяло разгоняли толпу; у нихъ не оказывалось нагаекъ; несмотря на то, что 23-го и 24-го было избито уже 28 полицейскихъ, Хабаловъ не хотѣлъ прибѣгать къ стрѣльбѣ.

Въ 1 часъ дня Голицынъ выѣхалъ въ засѣданіе Совѣта Министровъ, какъ обыкновенно, по Караванной, и ничего не замѣтилъ на улицахъ. Засѣданіе было дѣловое, о беспорядкахъ никто не говорилъ. Въ 6 часовъ вечера возвратиться на Моховую тѣмъ путемъ было уже нельзя, и Голицынъ поѣхалъ кругомъ.

Въ экстренномъ совѣщаніи въ Маріинскомъ Дворцѣ, при участіи председателей Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ, рѣшено было передать продовольственное дѣло городскому управленію.

Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генераль Адабаши написалъ докладъ Бѣляеву о томъ, что, по приказанію Хабалова, имъ сдѣлано распоряженіе не допускать въ газеты рѣчей Родичева, Чхеидзе и Керенскаго, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ 24 февраля. Бѣляевъ положилъ на докладъ резолюцію: «печатать въ газетахъ рѣчи депутатовъ Родичева, Чхеидзе и Керенскаго завтра нельзя. Но прошу не допускать бѣлыхъ мѣсть въ газетахъ, а равно и какихъ либо замѣтокъ по поводу этихъ рѣчей».

Дубенскій записывалъ въ Ставкѣ: «Тихая жизнь началась здѣсь. Все будетъ по старому. Отъ Него (отъ царя) ничего не будетъ. Могутъ быть только случайныя, виѣшнія причины, кои заставятъ что либо измѣниться... Въ Петроградѣ были голодные беспорядки, рабочіе патроннаго завода вышли на Литейный и двинулись къ Невскому, но были разогнаны казаками».

Далѣе записано, что получены свѣдѣнія о томъ, что Алексѣй, Ольга и Татьяна болѣли корью, и что царя безпокоитъ доставка продовольствія на фронтъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продовольствія получено на 3 дня. Къ тому же, получились заносы у Казатина и продвинуть поѣзда сейчасъ невозможно».

Въ Царскомъ Селѣ заболѣли корью царскія дѣти и Вырубова. Тѣмъ не менѣе, императрица принимала во дворцѣ пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25 февраля, Хабаловъ объявилъ, что, если со вторника, 28 февраля, рабочіе не приступятъ къ работамъ, то всѣ новобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918, и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска; утреннія газеты вышли не всѣ, вечернія вовсе не вышли.

Быть убитъ приставъ; ранены полиціймистеръ и нѣсколько другихъ полицейскихъ чиновъ. Въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, петарды и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость въ отношеніи дѣйствій полиціи. Бастовало до 240.000 рабочихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки и забастовки.

Въ девятомъ часу вечера у часовни Гостиннаго Двора стрѣляли изъ револьвера въ кавалерійскій отрядъ, который спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ оказались убитые и раненые. Въ этотъ день военный министръ все еще рекомендовалъ Хабалову избѣгать, гдѣ можно, открытія огня, говоря: «Ужасное впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда разоидется толпа, и на Невскомъ будутъ трупы».

Хабаловъ и Павленковъ провели весь день въ квартирѣ градоначальника. Въ 4 часа 40 минутъ Хабаловъ послалъ въ Ставку Наштаверху секретную шифрованную телеграмму (№ 2813—486): «Доношу, что 23 и 24 февраля вслѣдствіе недостатка хлѣба на многихъ заводахъ возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысячъ рабочихъ, которые насильственно спимали работавшихъ. Движеніе трамвая рабочими было прекращено. Въ серединѣ дня 23 и 24 февраля часть рабочихъ прорвалась къ Невскому, откуда была разогнана. Насильственныя дѣйствія выразились разбитіемъ стеколъ въ нѣсколькихъ лавкахъ и трамваяхъ. Оружіе войскамъ не употреблялось, четыре чина полиціи получили неопасныя пораненія. Сегодня 25 февраля попытки рабочихъ проникнуть на Невскій успѣшно парализуются, прорвавшаяся часть разгоняется казаками, утромъ полиціймейстеру Выборгскаго района сломали руку и нанесли въ голову рану тупымъ орудіемъ. Около трехъ часовъ дня на Знаменской площади убитъ при разсѣяніи толпы приставъ Крыловъ. Толпа разсѣяна. Въ подавленіи безпорядковъ, кромѣ петроградскаго гарнизона, принимаютъ участіе пять эскадроновъ 9 запаснаго кавалерійскаго полка изъ Краснаго Села, сотня лейбъ-гвардіи сводно-казачьяго полка изъ Павловска и вызвано въ Петроградъ пять эскадроновъ гвардейскаго запаснаго кавалерійскаго полка. Хабаловъ».

Протопоповъ со своей стороны телеграфировалъ Воейкову: «Внезапно распространившіеся въ Петроградѣ слухи о предстоящемъ якобы ограниченіи суточного отпуска выпекаемаго хлѣба взрослымъ по фунту, малолѣтнимъ половинномъ размѣрѣ вызвали усиленную закупку публикой хлѣба, очевидно, въ запасъ, почему части населенія хлѣба не хватило. На этой почвѣ двадцать третьяго февраля вспыхнула въ столицѣ забастовка, сопровождающаяся уличными безпорядками. Первый день бастовало около 90 тысячъ рабочихъ, — второй — до 160 тысячъ, сегодня около 200 тысячъ. Уличные безпорядки выражаются въ демонстративныхъ шествіяхъ частью съ красными флагами, разгромѣ нѣкоторыхъ пунктахъ лавокъ, частичномъ прекращеніи забастовщиками трамвайнаго движенія, столкновеніяхъ полиціей. 23 февраля ранены 2 помощника пристава, сегодня утромъ на Выборгской сторонѣ толпой сняты съ лошади и избиты полиціймейстеръ полковникъ Шалфеевъ, въ виду чего полиціей произведено нѣсколько выстрѣловъ въ направленіи толпы, откуда послѣдовали отвѣтные выстрѣлы. Сегодня днемъ болѣе серьезныя безпорядки происходили около памятника Императору Александру III, на Знаменской площади, гдѣ убитъ приставъ Крыловъ. Движеніе носитъ неорганизованный стихійный характеръ, наряду съ эксцессами противоправительственнаго свойства буйствующіе мѣстами привѣтствуютъ войска. Прекращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протопоповъ».

Около 9 часовъ вечера Хабаловъ получилъ напечатанную на Юзѣ и переданную по прямому проводу въ генеральный штабъ телеграмму: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ беспорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей. Николай».

Часовъ въ 10 собрались начальники участковъ, командиры запасныхъ частей, которымъ Хабаловъ прочелъ телеграмму и сказалъ, что должно быть примѣнено послѣднее средство: если толпа агрессивна, дѣйствовать по уставу, т. е. открывать огонь послѣ тоекратнаго сигнала; въ остальныхъ случаяхъ — продолжать дѣйствовать кавалеріей.

Хабалова царская телеграмма «хватила обухомъ». Онъ такъ разстроился, что когда вечеромъ къ нему позвонилъ Леляновъ, онъ сказалъ ему: «Вы выдумали какой то незаконный проектъ, совершенно несогласный съ городскимъ положеніемъ, я не могу на это согласиться». Дѣло въ томъ, что заѣзжавшій днемъ Протопоповъ сообщилъ, что «городъ выдумалъ какой то революціонный проектъ съ продовольствіемъ».

Весь день происходили засѣданія думскихъ фракцій, бюро блока, центрального бюро военно-промышленнаго комитета.

Вечернее засѣданіе Городской Думы, гдѣ разсматривался вопросъ о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, по докладу охраннаго отдѣленія, «вскорѣ приняло характеръ памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ». На собраніи говорили сенаторъ Ивановъ, члены Государственной Думы Шингаревъ и Керенскій, представители рабочихъ; ждали Родзянко, но онъ не могъ пріѣхать, будучи занятъ въ Государственной Думѣ, гдѣ разбирался законопроектъ о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ области продовольствія.

Въ ночь на 26 февраля «было арестовано около 100 членовъ революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 5 членовъ Петроградскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Партіи». На собраніи въ помѣщеніи Центрального Военно-Промышленнаго Комитета «были арестованы два члена Рабочей Группы, избѣгнушіе задержанія во время ликвидаціи въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ этой преступной группы».

Родзянко былъ у Голицына и просилъ его выйти въ отставку. Голицынъ въ отвѣтъ указалъ папку на столѣ, въ которой лежалъ указъ о роспускѣ Думы, и просилъ устроить совѣщаніе лидеровъ фракцій, чтобы столкнуться.

Въ 12 часовъ ночи началось совѣщаніе министровъ въ квартирѣ Голицына. Рѣчь шла о томъ, что въ понедѣльникъ въ Государственной Думѣ предполагается рядъ выступленій, которыя могутъ заставить правительство закрыть Думу. Риттихъ говорилъ о томъ, что Кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ. Покровскій говорилъ, что съ Думой работать нужно, и ея требованія должны быть приняты. Оба министра, а также Кригеръ-Войновскій, въ разныхъ выраженіяхъ говорили о томъ, что Кабинету придется уйти. Всѣ, кромѣ Протопопова, Добровольскаго и Раева, были противъ роспуска Думы. Протопоповъ рассказывалъ объ уличныхъ событіяхъ и находилъ, что беспорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой. Приглашенный на совѣщаніе Хабаловъ доложилъ о событіяхъ дня, о принятыхъ имъ мѣрахъ, о планѣ охраны города и о полученной имъ отъ царя телеграммѣ. Бѣляевъ, Добровольскій и Риттихъ высказались, что беспорядкамъ должна быть противопоставлена сила. Тутъ же, по телефону изъ Городской Думы, узнали, что отдано распоряженіе объ арестѣ Рабочей Группы, причемъ всѣ удивились, почему Протопоповъ въ такую минуту не справился съ мнѣніемъ Совѣта

Министровъ. Вызванные Васильевъ и Глобачевъ объяснили, что полиція застала публичное собраніе, человекъ въ 50, задержала всѣхъ для выясненія личности и арестовала только двухъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію по 102 статьѣ.

Въ этомъ совѣщаніи уже поднимался вопросъ о введеніи осаднаго положенія. Хабаловъ протестовалъ на томъ основаніи, что по послѣднему положенію командующій войсками округа пользовался правами командующаго арміями, равными правамъ командира осажденной крѣпости. Нѣкоторые изъ министровъ настаивали на введеніи осаднаго положенія, потому что, съ объявленіемъ его, прекращаются всѣ собранія, въ томъ числѣ и засѣданія Государственной Думы и даже ея комиссіи. Покровскій возражалъ, что это — вопросъ спорный.

Рѣшено было просить предсѣдателя и членовъ Думы употребить свой престижъ для успокоенія толпы; рѣшено, что Родзянко поѣдетъ къ Голицыну, а Покровскій и Риттихъ войдутъ въ переговоры съ нѣкоторыми лидерами партій (называли Милюкова и Савича).

Голицынъ указалъ, что въ стремленіяхъ на пути къ соглашенію не слѣдуетъ забывать того, что нѣкоторые министры должны будутъ собой пожертвовать: онъ намекалъ на Протопопова. Хабаловъ произвелъ на Голицына впечатлѣніе «очень не энергичнаго и мало свѣдующаго тяжелодума», а докладъ его показался Голицыну «сумбуромъ». Въ этотъ вечеръ онъ просилъ у Хабалова охраны и впоследствии жаловался на то, что не видѣлъ ея, хотя Хабаловъ послалъ роту, которая «закупорила Моховую».

Министры разошлись въ 4 часа ночи, рѣшивъ опять сойтись въ воскресенье въ 8^{1/2} часовъ. Журналовъ совѣщаніи въ эти дни не велось, хотя на всѣхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ Ладыженскій.

Жизнь Ставки текла попрежнему однообразно: въ 9^{1/2} часовъ царь выходилъ въ штабъ, до 12^{1/2} проводилъ время съ Алексѣевымъ, послѣ этого часъ продолжался завтракъ, потомъ была прогулка на моторахъ, въ 5 часовъ пили чай и приходила петербургская почта, которой царь занимался до обѣда въ 7^{1/2} часовъ.

Вѣроятно, въ этотъ день между 5 и 7 часами, въ виду тревожныхъ слуховъ отъ приѣзжающихъ изъ Петербурга («Асторія занята», и т. д.) къ царю «прибѣгалъ» Алексѣевъ. Кромѣ того, царь получилъ двѣ телеграммы отъ Александры Федоровны. Въ одной говорилось, что въ «городѣ пока спокойно», а въ вечерней уже, что «совсѣмъ нехорошо въ городѣ».

Послѣ обѣда съ 8^{1/2} часовъ царь занимался у себя въ кабинетѣ, а въ 11^{1/2} пили вечерній чай, и царь съ лицами ближайшей свиты уходилъ къ себѣ.

Дубенскій записалъ въ дневникѣ 25-го: «Изъ Петрограда — тревожныя свѣдѣнія; голодные рабочіе требуютъ хлѣба, ихъ разгоняютъ казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная Дума засѣдаетъ очень шумно; социаль-демократы Керенскій и Скобелевъ призываютъ къ испроверженію самодержавной власти, а власти нѣтъ. Вопросъ о продовольствіи стоитъ очень плохо . . ., оттого и являются голодные бунты. Плохо очень съ топливомъ . . ., поэтому становятся заводы, даже тѣ, которые работаютъ на оборону. Государь, какъ будто, встревоженъ, хотя сегодня по виду быть весель. Эти дни онъ ходитъ въ казачьей кавказской формѣ, вечеромъ былъ у всенощной и шелъ туда и обратно безъ пальто».

Въ воскресенье, 26 февраля, войска, какъ обыкновенно, заняли всѣ посты, положенныя по росписанію; Хабаловъ объявилъ, что для водворенія порядка

войска прибѣгнуть къ оружію (все министры наканунѣ согласились на такое объявленіе).

Въ этотъ день войскамъ пришлось стрѣлять въ народъ въ разныхъ мѣстахъ, и холостыми, и боевыми патронами.

Въ донесеніяхъ за день отмѣчено: «промышленныя предпріятія сего числа, по случаю праздничнаго дня, были закрыты». «Во время безпорядковъ наблюдалось, какъ общее явленіе, крайне вызывающее отношеніе буйствовавшихъ скопищъ къ воинскимъ нарядамъ, въ которые толпа, въ отвѣтъ на предложеніе разойтись, бросала камнями и комями сколотога съ улицъ льда. При предварительной стрѣльбѣ войсками вверхъ, толпа не только не разсѣивалась, но подобныя залпы встрѣчала смѣхомъ. Лишь по примѣненіи стрѣльбы боевыми патронами въ гущу толпы оказывалось возможнымъ разсѣивать скопища, участники конхъ, однако, въ большинствѣ прятались во дворы ближайшихъ домовъ и, по прекращеніи стрѣльбы, вновь выходили на улицу».

Вечеромъ, охранное отдѣленіе предполагало арестовать собраніе, которое должно было быть въ домѣ Елисѣева на Невскомъ «съ участіемъ члена Государственной Думы Керенскаго и присяжнаго повѣреннаго Соколова, для обсужденія вопроса о наилучшемъ использованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ и дальнѣйшемъ планомѣрномъ руководствѣ таковыми».

Родзянко утромъ поѣхалъ къ Риттиху, вытащилъ его изъ кровати и повезъ къ Бѣляеву. Онъ видѣлъ, какъ рабочіе шли лавой по льду черезъ Неву, такъ какъ на мосты ихъ не пускали.

Родзянко обратился по телефону къ Хабалову, который сидѣлъ въ здаши градоначальства, уже не дѣлая никакихъ распоряженій о раздачѣ хлѣба; Родзянко спрашивалъ его, «зачѣмъ кровь», и убѣждалъ, что гранату на Невскомъ бросилъ городской. Хабаловъ сказалъ, что войска не могутъ быть мишенью и должны отвѣчать на нападеніе, но на высочайшую телеграмму не сослался.

Родзянко звонилъ также къ Бѣляеву, совѣтуя ему разсредоточивать толпу при помощи пожарныхъ. Бѣляевъ снесся съ Хабаловымъ, который отвѣтилъ, что существуетъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не вызывать пожарныя части для прекращенія безпорядковъ, и что обливаніе водой только возбуждаетъ, то-есть приводитъ къ обратному дѣйствию.

Родзянко телеграфировалъ царю: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣщносца».

Копіи этой телеграммы были разсланы командующимъ съ просьбою поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы. Отвѣтили Брусловъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнилъ» — и Рузскій: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено».

Царь, по разсказу Фредерикса, получивъ эту телеграмму, или слѣдующую за ней (отъ 27 февраля), сказалъ Фредериксу: «Опять этотъ толстякъ Родзянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать».

Хабаловъ телеграфировалъ Наштаверху въ Ставку (№ 2899—3713). «Допишу, что въ теченіе второй половины 25 февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся на Знаменской площади и у Казанскаго Собора, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около 17 часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты заиѣли революціонныя пѣсни и выкинули красныя флаги съ надписями долой войну, на предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ применено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ въ голову рядовой 9 запаснаго кавалерійскаго полка. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человекъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. 25 февраля батовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Мною выпущено объявленіе, воспреещающее скопленіе народа на улицахъ и подтверждающее населенію, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силою оружія. Сегодня 26 февраля съ утра въ городѣ спокойно. Хабаловъ».

Около 4-хъ часовъ дня Хабалову доложили, что четвертая рота запаснаго батальона Павловскаго полка, расквартированная въ зданіяхъ конюшеннаго вѣдомства, выбѣжала съ криками на площадь, стрѣляя въ воздухъ около храма Воскресенія, и при ней находятся только два офицера; рота требовала увода въ казармы остальныхъ и прекращенія стрѣльбы, а сама стрѣляла по взводу конво-полицейской стражи.

Хабаловъ приказалъ командиру и полковому священнику принять мѣры къ увѣщанію, устыдить роту, привести ее къ присягѣ на вѣрность и водворить въ казармы, отобрать оружіе. Послѣ увѣщаній батальоннаго командира, солдаты дѣйствительно помаленьку сдали винтовки, но 21 человекъ съ винтовками не досчитались.

Бѣляевъ требовалъ немедленно военно-полевого суда, но прокуроръ военно-полевого суда Мендель посовѣтовалъ Хабалову сначала произвести дознаніе. Хабаловъ приказалъ, чтобы самъ батальонъ выдалъ зачинщиковъ и назначилъ слѣдственную комиссію изъ пяти членовъ съ генераломъ Хлѣбниковымъ во главѣ. Батальонное начальство выдало 19 главныхъ виновниковъ, которыхъ и препроводили въ крѣпость, какъ подлежащихъ суду, такъ какъ комендантъ крѣпости Николаевъ сообщилъ, что арестныхъ помѣщеній для всей роты (1.500 человекъ) у него нѣтъ.

Среди этого «котла» событій, по выраженію Хабалова, онъ нѣсколько разъ доносилъ въ Ставку, что безпорядки продолжаются и приказаній его величества онъ выполнить не можетъ. Ночью стали поступать тревожныя свѣдѣнія о возстаніяхъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ, но они пока не оправдывались.

Протопоповъ телеграфировалъ Воейкову: «Сегодня порядокъ въ городѣ не нарушался до четырехъ часовъ дня, когда на Невскомъ проспектѣ стала накаливаться толпа, неподчинившаяся требованіямъ разойтись. Въ виду сего возлѣ Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, послѣ чего образовавшееся тамъ сборище разсѣялось. Одновременно значительныя скопища образовались на Лиговской улицѣ, Знаменской площади, также на пересѣченіяхъ Невскаго Владимірскимъ проспектомъ и Садовой улицей, причемъ во всѣхъ этихъ пунктахъ толпа вела себя вызывающе, бросая въ войска камнями, комями сколотого на улицахъ льда. Поэтому, когда стрѣльба вверхъ не оказала воздѣйствія на толпу, вызвала лишь насмѣшки надъ

войсками, послѣднія вынуждены были для прекращенія буйства прибѣгнуть къ стрѣльбѣ боевыми патронами по толпѣ, въ результатѣ чего оказались убитые, раненые, большую часть коихъ толпа, разсѣиваясь, унесла съ собой. Началъ пятого часа Невскій былъ очищенъ, по отдѣльные участники безпорядковъ, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстрѣливать воинскіе разѣзды. Войска дѣйствовали ревностно, исключеніе составляетъ самостоятельный выходъ четвертой эвакуированной роты Павловскаго полка. Охраннымъ отдѣленіемъ арестованы запрещенномъ собраніи 50 постороннихъ лицъ въ помѣщеніи Группы Центрального Военнаго Комитета и 136 человекъ партійныхъ дѣятелей, а также революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ. Моему соглашенію командующимъ войсками контроль распредѣленіемъ выпечкою хлѣба также учетомъ использованія муки возлагается на завѣдующаго продовольствіемъ Имперіи Ковалевскаго. Надѣюсь, будетъ польза. Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить къ работамъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протопоповъ».

Эта телеграмма была послана 27 февраля въ 4 часа 20 минутъ утра.

Вечеромъ, на частномъ совѣщаніи у Голицына, были приняты двѣ мѣры: перерывъ засѣданій Государственной Думы и введеніе осаднаго положенія въ Петербургѣ (форма послѣдняго распоряженія не обсуждалась).

Родзянко вечеромъ нашелъ у себя въ квартирѣ слѣдующій указъ, уже отпечатанный: «На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе». Такимъ же указомъ были прерваны и занятія Государственнаго Совѣта.

Александра Федоровна заканчивала свою телеграмму, посланную царю въ 11 часовъ 50 минутъ дня, словами: «Очень безпокоюсь относительно города».

Въ Могилевѣ свита была въ тревогѣ, за завтракомъ было мало приглашенныхъ, и царь, всегда любезный, видимо, сдерживался и мало говорилъ. Боейковъ, однако, спокойно далъ коменданту императорскаго поѣзда, полковнику Герарди, отпускъ на нѣсколько дней въ Царское Село. Дубенскій записалъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля: «Волненія въ Петроградѣ очень большія, бастуютъ двѣсти тысячъ рабочихъ, не ходятъ трамваи, убиты приставы на Знаменской площади. Собралось экстренное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ... Государственная Дума волнуется, требуя передачи продовольственнаго дѣла во всей Россіи городскому самоуправленію и земству. Князь Голицынъ и всѣ министры согласны. Такимъ образомъ, вся Россія узнаетъ, что голодный народъ будетъ накормленъ распоряженіемъ не царской власти, не царскаго правительства, а общественными организаціями, т. е., правительство совершенно расписалось въ своемъ безсиліи. Какъ не можетъ понять государь, что онъ долженъ проявить свою волю, свою власть?... Какая это поддержка нашимъ врагамъ — Вильгельму — безпорядки въ Петроградѣ! Какая радость теперь въ Берлинѣ! А при государѣ все то же, многіе понимаютъ ужасъ положенія, но не «тревожатъ» царя».

Въ понедѣльникъ 27 февраля утромъ Родзянко послалъ царю телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Часовъ въ 7 утра командиръ запаснаго батальона Вольнскаго полка передалъ Хабалову по телефону, что учебная команда отказалась выходить, а начальникъ ея или убитъ, или самъ застрѣлился передъ фронтомъ.

Хабаловъ, предписавъ обезоружить и вернуть команду въ казармы, сообщилъ объ этомъ Бѣляеву и поѣхалъ въ домъ градоначальства. Въ теченіе двухъ часовъ, полковникъ Московскаго полка Михайличенко замѣняетъ полковника Павленкова, больного грудной жабой. Въ это утро въ канцелярію градоначальника являлся капитанъ броневой роты, который предлагалъ Хабалову составить 1—2 автомобиля изъ нѣсколькихъ, находящихся въ починкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Хабаловъ послалъ его къ завѣдующему броневиками генералу Секретеву и велѣлъ прислать автомобиль, если найдутся надежные офицеры, которыхъ можно туда посадить.

Поступили донесенія, что Вольницы не сдаютъ винтовокъ, къ нимъ присоединяется рота Преображенскаго полка и часть Литовцевъ, и эта вооруженная толпа, соединившись съ рабочими, идетъ по Кирочной, разгромила казармы жандармскаго дивизіона и громитъ помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ.

Хабаловъ сформировалъ отрядъ изъ 6 ротъ, 15 пулеметовъ и 1½ эскадроновъ, всего около 1.000 человекъ, и отправилъ его противъ возставшихъ подъ начальствомъ георгіевскаго кавалера полковника Кутепова съ требованіемъ, чтобы они сложили оружіе; въ противномъ случаѣ, было предложено принять рѣшительныя мѣры.

Отрядъ двинуть, а результатовъ нѣтъ: если онъ дѣйствуетъ, онъ долженъ уже гнать толпу въ уголъ за Таврической садъ, къ Невѣ. «А тутъ — ни да, ни нѣтъ», говоритъ Хабаловъ.

Казачьи разъѣзды донесли, что Кутеповъ не можетъ продвинуться по Кирочной и Спасской и требуетъ подкрѣпленій.

Брандъ-майоръ Литвиновъ донесъ по телефону, что толпа не даетъ пожарнымъ тушить пожаръ въ зданіи Окружнаго Суда. Около полудня изъ Московскаго полка донесли, что четвертая рота, заправшая пулеметами Литейный мостъ съ Выборгской стороны, подавлена, остальные роты стоятъ во дворѣ казармъ, изъ офицеровъ — кто убитъ, а кто — раненъ, и огромныя толпы запружаютъ Самсоновскій проспектъ.

Запасныхъ войскъ у Хабалова не было, а наряду съ донесеніями поступали требованія охраны отъ Голицына, съ телефонной станціи, изъ Литовскаго замка, изъ Маріинскаго дворца. Заѣзжалъ Протопоповъ и приставалъ къ Хабалову съ разными предложеніями, но обыкновенію, ни на чемъ реальномъ не основанными.

Часа въ 2—3 Хабаловъ былъ у Голицына. Послѣдній былъ уже оповѣщенъ съ утра Бѣляевымъ, который въ это утро приказалъ начальнику Генеральнаго Штаба генералу Занкевичу доложить, что нужно для объявленія осаднаго положенія, и, получивъ отвѣтъ, что для этого требуется высочайшее повелѣніе, сказалъ: «Считайте, что оно уже послѣдовало». Бѣляевъ предлагалъ Голицыну сейчасъ же обсудить дальнѣйшія мѣры, но прошло довольно много времени, какъ пріѣхалъ Хабаловъ, министры были въ сборѣ: онъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе: «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ», говоритъ Бѣляевъ.

Въ сущности, министры только знакомились съ событіями, взглядовъ же никакихъ не высказывали. Всѣ были особенно нервны. Докладывали Хабаловъ

и кое что Протопоповъ. Около 4—5 часовъ рѣшили сойтись въ Маріинскомъ дворцѣ.

Когда опредѣлилось, что пока только Выборгская и Литейная части захвачены возстаніемъ, Хабаловъ рѣшилъ стянуть возможный резервъ на Дворцовой площади, подъ начальствомъ полковника Преображенскаго полка князя Аргутинскаго-Долгорукова. Часть предполагалось послать въ подкрѣпленіе Кутепову, а другую часть — на Петербургскую сторону. Хабаловъ, опасаясь за Пороховые заводы, хотѣлъ оттѣснить возставшихъ къ сѣверу, къ морю.

Выяснилось, что резервъ собрать трудно, нѣкоторыя части можно только удерживать отъ присоединенія къ возставшимъ, а у другихъ нѣтъ патроновъ; не найдя патроновъ въ городѣ, Хабаловъ просилъ по телефону прислать изъ Кронштадта, но комендантъ отвѣтилъ, что самъ опасается за крѣпость. Хабаловъ не зналъ, что и въ окрестностяхъ города вспыхнуло возстаніе: часовъ около 3-хъ дня царскосельскій гарнизонъ грабилъ трактирныя заведенія, встрѣчая маршевыя эскадроны, подошедшіе изъ Новгородской губерніи, съ корзинами явства и питей. Впрочемъ, сводный гвардейскій полкъ несъ службу и продолжалъ охранять Александровскій дворецъ.

Голицынъ поручилъ Бѣляеву съѣздить въ градоначальство. Тутъ были все «неопытные полковники», и Бѣляевъ, который, по словамъ Балка, былъ «вдумчивъ, спокоенъ и говорилъ мало», позвалъ всѣхъ на совѣщаніе и увидѣлъ «полное отсутствіе идеи и недостаточность инициативы въ распоряженіяхъ». Настроеніе офицеровъ, въ частности Измайловскаго полка, было «ненадежное», они находили нужнымъ вступить въ переговоры съ Родзянко, о чемъ Хабаловъ доложилъ Бѣляеву, которому вовсе не былъ подчиненъ, но котораго въ растерянности своей сталъ слушаться. Въ отвѣтъ на это военный министръ разсердился и приказалъ находившемуся тутъ же генералу Занкевичу вступить въ командованіе всѣми гвардейскими запасными частями (это было около 7 часовъ вечера). Хабаловъ понялъ это такъ, что онъ устраненъ. Между тѣмъ, Занкевичъ былъ данъ ему въ помощь и устранялъ собою только Чебыкина, Павленкова и Михайличенко, такъ же, какъ Ивановъ впоследствии не смѣнилъ Хабалова, а былъ поставленъ надъ нимъ.

Пріѣхавшій въ градоначальство великій князь Кирилль Владиміровичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры, и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что ему не сообщаютъ о событіяхъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ гвардейскимъ экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Кирилль Владиміровичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды гвардейскаго экипажа.

Пріѣхавъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ всѣ члены Совѣта Министровъ «ходили растерянные, ожидаая ареста», Бѣляевъ доложилъ о Занкевичѣ, а затѣмъ попросилъ Голицына поговорить съ нимъ наединѣ о замѣнѣ Протопопова; такъ какъ смѣнять министра никто, кромѣ императора, не имѣлъ права, рѣшили предложить Протопопову сказаться больнымъ; Бѣляевъ предложилъ замѣнить его главнымъ военнымъ прокуроромъ Макаренко, но предложеніе это было отвергнуто, и генералъ Тяжелышковъ, по приказанію Бѣляева, отпечаталъ приказъ Голицына: «Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступить его товарищъ по принадлежности». Тогда же, по приказанію Бѣляева, было напечатано «объявленіе Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго

Округа» за подписью Хабалова: «По Высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27 сего февраля объявляется на осадномъ положеніи». Объявленіе было напечатано въ количествѣ около 1.000 экземпляровъ, подлинникъ былъ написанъ карандашомъ. Печаталось оно въ Адмиралтействѣ, такъ какъ типографія градоначальства уже не была въ распоряженіи стараго правительства, о чемъ доложилъ Балкъ.

Голицынъ рассказываетъ, что онъ получилъ отъ Бѣляева письмо, начинавшееся словами: «Имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что по Высочайшему Повелѣнію введено осадное положеніе», но письмо это онъ потерялъ.

Голицынъ обратился къ Протопопову и просилъ его оффиціально заявить, что онъ боленъ и уходитъ. Протопоповъ всталъ, сконфуженно произнесъ: «Ну, что же, я подчиняюсь», и ушелъ, говоря: «Мнѣ теперь остается только застрѣлиться». Бѣлецкій рассказываетъ, что, когда передъ этимъ стало извѣстно, что Щегловитовъ, арестованный на кухнѣ и прикрытый солдатскою шинелью увезенъ въ Думу, Протопоповъ такъ растерялся, что требовалъ моментально «схватить Родзянко».

Въ 6 часовъ вечера Ладыженскій передалъ въ экспедицію канцеляріи Совѣта Министровъ составленную Покровскимъ и Баркомъ и подписанную Голицынымъ телеграмму, въ которой говорилось, между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ... дерзаетъ представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятія слѣдующихъ... мѣръ... съ объявленіемъ столицы на осадномъ положеніи, каковое распоряженіе уже сдѣлано Военнымъ Министромъ по уполномочію Совѣта Министровъ собственной властью. Совѣтъ Министровъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о поставленіи во главѣ оставшихся вѣрными войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующихъ армій съ популярнымъ для населенія именемъ»...

Далѣе указывается, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить председателемъ Совѣта Министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ, и составить отвѣтственное министерство.

Царь отвѣтилъ того же числа князю Голицыну: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Послѣ 8-ми часовъ вечера Голицынъ, Родзянко, великій князь Михаилъ Александровичъ, Крыжаповскій и Бѣляевъ обсуждали въ кабинетѣ председателя Совѣта Министровъ текстъ телеграммы, которую Михаилъ Александровичъ хотѣлъ послать царю, послѣ чего великій князь и Бѣляевъ поѣхали въ домъ военнаго министра, чтобы подать эту телеграмму начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго. Михаилъ Александровичъ сообщилъ о «серьезности положенія», о необходимости назначить председателя Совѣта Министровъ, который самъ подобралъ бы себѣ кабинетъ; онъ спрашивалъ, не уполномочить ли его царь сейчасъ же объ этомъ объявить, называя со своей стороны князя Г. Е. Львова, и предлагая принять на себя регентство.

Черезъ полчаса или черезъ часъ Алексѣевъ передалъ отвѣтъ, что его величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе.

Въ этотъ день Бѣляевъ послалъ въ Ставку Наштаверху слѣдующія четыре телеграммы.

13 часовъ 15 минутъ № 196. Указывается, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія подавляются. Выражается увѣренность «въ скоромъ наступленіи спокойствія».

19 часовъ 22 минуты № 197 (копія Главкосѣву). Указывается на «серьезность положенія»; просьба прислать на помощь, «дѣйствительно надежныя части».

19 часовъ 33 минуты № 198. «Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ объявить Петроградъ на осадномъ положеніи. Въ виду проявленной генераломъ Хабаловымъ растерянности назначилъ на помощь ему генерала Занкевича, такъ какъ генераль Чебыкинъ отсутствуетъ».

23 часа 53 минуты № 199. Говорится, что изъ Царскаго Села вызваны небольшія части запасныхъ полковъ, батарея изъ Петрограда грузиться въ поѣздъ на Петроградъ отказалась, батарея училищъ не имѣетъ снарядовъ.

Около полуночи Бѣляевъ приказалъ своему секретарю позвонить въ Маріинскій дворецъ и вызвать по телефону Кригеръ-Войновскаго. Секретарь услышалъ въ телефонъ неясный разговоръ нѣсколькихъ голосовъ, увѣщаніе соблюдать тишину и предупрежденіе, что у телефона военный министръ. Вслѣдъ за тѣмъ, къ телефону подошелъ кто то, назвавшій себя министромъ путей сообщенія, но по голосу непохожій на Кригеръ-Войновскаго. Секретарь предупредилъ объ этомъ Бѣляева и передалъ ему трубку. Военный министръ молча слушалъ у телефона минутъ 5, услышалъ слова: «... эту пачку уже пересмотрѣлъ, возьми вотъ тѣ бумаги», повѣсилъ трубку и запретилъ всѣмъ сношенія по телефону съ Маріинскимъ дворцомъ.

Около 2 часовъ ночи секретарь Бѣляева былъ вызванъ по телефону изъ Маріинскаго Дворца помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Путиловымъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, въ помѣщеніи канцеляріи Совѣта Министровъ «хозяйничаютъ постороннія лица», важнѣйшія бумаги удалось унести, а министры путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ скрываются въ другой части дворца. Путиловъ просилъ освободить ихъ, но секретарь военного министра объяснилъ, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ войскъ.

Между тѣмъ, у генерала Занкевича, которому Бѣляевъ передалъ командованіе, были въ распоряженіи уже немногія части, и то колеблющіяся и тающія съ часу на часъ.

Вопросъ объ атакѣ стоялъ безнадежно, можно было думать только объ оборонѣ отряда на Дворцовой площади.

Генераль Занкевичъ, надѣвъ мундиръ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, выѣхалъ къ солдатамъ и, поговоривъ съ ними, вынесъ убѣжденіе, что на нихъ рассчитывать нельзя. Удержаться на площади было невозможно; Занкевичъ считалъ, что вѣрнымъ слугамъ царя надо умереть въ Зимнемъ Дворцѣ; около 9 часовъ вечера войска были переведены въ Адмиралтейство, а около 11 часовъ — во Дворецъ; при этомъ оказалось, что матросы и часть пѣхоты уже разошлись; осталось всего на всего 1.500—2.000 человекъ.

Около часу ночи во Дворцѣ получили извѣстіе о назначеніи генерала Иванова. Управляющій дворцомъ генераль Комаровъ просилъ Хабалова не занимать дворца, Занкевичъ спорилъ, и вопросъ остался бы открытымъ, если бы захватившій въ ту минуту съ Бѣляевымъ великій князь Михаилъ Александровичъ, которому не удавалось уѣхать въ Гатчину, не согласился съ Комаровымъ. На совѣщаніи великій князь, Хабаловъ и Занкевичъ намѣтили Петропавловскую крѣпость,

но помощникъ коменданта баронъ Сталь, вызванный къ телефону, сообщилъ, что на Троицкой площади стоятъ броневые автомобили и орудія, а на Троицкомъ мосту — баррикады. Хабаловъ предложилъ пробиваться, но Занкевичъ указалъ на колебанія офицеровъ Измайловскаго полка; тогда, на разсвѣтѣ, рѣшили перейти опять въ Адмиралтейство.

Листки съ объявленіемъ осаднаго положенія были напечатаны, но расклеить ихъ по городу не удалось: у Балка не было ни клею, ни кистей. По приказу Хабалова, отданному вялымъ тономъ, два околоточныхъ развѣсили нѣсколько листовъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Утромъ эти листки валялись на Адмиралтейской площади передъ градоначальствомъ.

Третье объявленіе, переданное Бѣляевымъ для республикованія — о запрещеніи жителямъ столицы выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера — Хабаловъ счелъ окончательно безцѣльнымъ и оставилъ его безъ исполненія.

Императрица въ этотъ день телеграфировала царю трижды: въ 11 часовъ 12 минутъ дня: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Алисъ»; въ 1 часъ 3 минуты: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи. Алисъ»; въ 9 часовъ 50 минутъ вечера: «Лили провела у насъ день и ночь — не было ни колясокъ, ни моторовъ. Окружный Судъ горитъ. Алисъ».

Дубенскій записывалъ 27 февраля: «Изъ Петрограда вѣсти не лучше. Была, говорятъ, сильная стрѣльба у Казанскаго Собора, много убитыхъ со стороны полиціи и среди народа. Говорятъ, по городу ходятъ броневые автомобили. Слухи стали столь тревожны, что рѣшено завтра 28-го отбыть въ Петроградъ... Помощникъ начальника штаба Трегубовъ передалъ мнѣ, что на его вопросъ, что дѣлается въ Петроградѣ, Алексѣевъ отвѣтилъ: «Петроградъ въ возстаніи». Трегубовъ дополнилъ, что была стрѣльба по улицамъ, стрѣляли пулеметы. Первое, что надо сдѣлать, — это убить Протопопова, онъ ничего не дѣлаетъ, шарлатанъ. Передъ обѣдомъ я съ Федоровымъ былъ въ вагонѣ у генералъ-адъютанта Иванова. Долго бесѣдовали на тему Петроградскихъ событій и стали убѣждать его сказать государю, что необходимо послать въ Петроградъ нѣсколько хорошихъ полковъ, внушить дѣйствовать рѣшительно, и дѣло можно еще потушить. Ивановъ началъ говорить, что онъ не вправѣ сказать государю, что надо вызвать хорошіе полки, на примѣръ, 23-ю дивизію и т. д., но въ концѣ концовъ согласился и обѣщалъ говорить съ царемъ. Передъ обѣдомъ Алексѣевъ приходилъ къ государю въ кабинетъ докладывать срочное сообщеніе изъ Петрограда о томъ, что нѣкоторыя части, кажется, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ, отказались дѣйствовать противъ толпы. На вопросъ графа Фредерикса Алексѣеву, — что новаго изъ Петрограда, начальникъ штаба отвѣтилъ: «Плохія вѣсти, есть новое явленіе», намекалъ на войска. За обѣдомъ, который прошелъ тихо, и государь былъ молчаливъ, Ивановъ всетаки успѣлъ сказать Государю о войскахъ».

«Послѣ обѣда государь позвалъ къ себѣ Иванова въ кабинетъ, и около 9 часовъ стало извѣстно, что Ивановъ экстреннымъ поѣздомъ ѣдетъ въ Петроградъ. Нарышкинъ мнѣ сказалъ, что Павловцевъ окружили Преображенцы и, кажется, стало тише. Все настроеніе Ставки сразу измѣнилось. Всѣ говорятъ, волнуются, спрашиваютъ: что новаго изъ Петрограда».

Въ вечернихъ телеграммахъ стало извѣстно, что именнымъ высочайшимъ указомъ распущены Дума и Государственный Совѣтъ, но это уже поздно, уже

опредѣлилось Временное Правительство, засѣдающее въ Думѣ, подъ охраной войскъ, перешедшихъ на сторону революціонеровъ. Войскъ вѣрныхъ государю осталось меньше, чѣмъ противъ него. Гвардейскій Литовскій полкъ убилъ командира. Преображенцы убили батальоннаго командира Богдановича. Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ въ Ставку государю телеграмму, въ которой просилъ его прибыть немедленно въ Царское Село спасти Россію. Всѣ эти страшныя свѣдѣнія идутъ изъ Петрограда отъ графа Бенкендорфа полковнику Ратькову. Про министра внутреннихъ дѣлъ графъ Фредериксъ выразился по-французски такъ: «А о министрѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ слуховъ, какъ будто онъ мертвый». Графъ Фредериксъ держитъ себя спокойно, хорошо, и говоритъ: «Не надо волноваться».

«Послѣ вечерняго чая, въ 12 часовъ ночи, государь простился со всѣми и ушелъ къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ къ нему пошелъ Фредериксъ и Воейковъ, пробыли у царя недолго и вышли, причемъ Воейковъ объявилъ, что отъѣздъ въ Царское Село его величества назначенъ безотлагательно въ эту ночь. Всѣ стали собираться и уже къ 2 часамъ ночи были въ поѣздѣ. Государь любезенъ, ласковъ, тихъ и, видимо, волнуется, хотя, какъ всегда, все скрываетъ. Всю ночь шли у насъ съ Цабелемъ, Штакельбергомъ и Суловымъ такіе разговоры. Свитскій поѣздъ отошелъ въ Царское въ 4 часа ночи... Назначенъ Ивановъ диктаторомъ».

Въ Ставкѣ до сего дня полагали, что происходитъ «молодой бунтъ», въ революцію не вѣрили и къ слухамъ относились пассивно, чему способствовалъ крайній «фатализмъ» царя, какъ выражается генералъ Дубенскій. Алексѣевъ умолялъ царя въ эти дни пойти на уступки, но изъ этого вышло только то, что уѣхали немного раньше, чѣмъ предполагали.

Во всякомъ случаѣ, настроеніе Ставки рѣзко измѣнилось къ вечеру. 27 февраля Воейковъ, который балаганилъ, устраивалъ свою квартиру и до 5 часовъ дня «прибывалъ шторы и привѣшивалъ картинки», вдругъ понялъ трагичность положенія и «сталъ ходить красный, тараща глаза». Генералъ Ивановъ, придя къ обѣду, узналъ отъ Алексѣева, что онъ назначенъ въ Петербургъ главнокомандующимъ «для водворенія полнаго порядка въ столицѣ и ея окрестностяхъ», причемъ, «командующій войсками округа переходитъ въ его подчиненіе» (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, управление Дежурнаго генерала, № 3716, подписали генералъ Алексѣевъ и дежурный генералъ Кондзеровскій). Назначеніе это послѣдовало вслѣдствіе указанія бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына на необходимость командировать въ столицу пользующагося популярностью въ войскахъ боевого генерала.

Ивановъ, слышій за «поклонника мягкихъ дѣйствій», за обѣдомъ разсказалъ царю, какъ ему удалось успокоить волненія въ Харбинѣ при помощи двухъ полковъ безъ одного выстрѣла. Послѣ обѣда царь сказалъ Иванову: «Я васъ назначаю главнокомандующимъ Петроградскимъ округомъ, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ, отправляйтесь». Ивановъ доложилъ, что онъ уже годъ стоитъ въ сторонѣ отъ арміи, но полагаетъ, что «далеко не всѣ части останутся вѣрны въ случаѣ народнаго волненія, а потому лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать междоусобицы и кровопролитія».

Царь отвѣтилъ: «Да, конечно».

Послѣ этого разговора, Ивановъ просидѣлъ въ Штабѣ часа два, частью — съ Алексѣевымъ, котораго вызывалъ царь, а потомъ — по прямому проводу

— Родзянко. Алексѣевъ сказалъ ему, что съ сѣвернаго фронта и съ западнаго посылаются по два полка, но еще сомнѣваются, какіе посылать; посоветовалъ отправиться съ батальономъ и ротой своднаго полка и показалъ телеграмму отъ Родзянки и телеграмму объ объявленіи осаднаго положенія.

Ивановъ зналъ, что распущена Дума, введено осадное положеніе, не хватаетъ продовольствія и многіе заводы не работаютъ на оборону изъ за недостатка топлива. Рѣшивъ утромъ пойти къ царю, а около полудня ѣхать, онъ пошелъ спать.

Въ это время Воейкова вызвалъ по телеграфу изъ Царскаго Бенкендорфъ и спрашивалъ, не желаетъ ли его величество, чтобы императрица съ дѣтьми выѣхала навстрѣчу; царь поручилъ передать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Царское.

Воейковъ, по совѣту Бенкендорфа, вызвалъ Бѣляева, который далъ ему «хаотическій отвѣтъ», что «идетъ военный мятежъ и нельзя опредѣлить, какаѣ часть возсталѣ и какаѣ нѣтъ». Воейковъ считалъ, что долженъ имѣть всѣ эти свѣдѣнія отъ Протопопова, но не получалъ ихъ. Въ 8 час. 15 мин. онъ послалъ Протопопову слѣдующую шифрованную телеграмму (№ 35): «Его Величество изволить отбыть изъ Ставки черезъ Оршу — Лихославль — Тосно вторникъ 28 февраля 2 часа 30 мин. дня».

Дубенскій рассказываетъ въ своемъ дневникѣ (отъ 3 марта), что «27 февраля было экстренное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя, Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣевъ, въ виду полученныхъ извѣстій изъ Петрограда, умолялъ государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію, Фредериксъ молчалъ, а Воейковъ настоялъ на неприпятіи этого предложенія и убѣждалъ государя немедленно выѣхать въ Царское Село».

Около 2 часовъ адъютантъ разбудилъ Иванова и сообщилъ, что царь сейчасъ уѣзжаетъ. Царь принялъ Иванова около 3 часовъ ночи. Ивановъ доложилъ о продовольствіи и просилъ содѣйствія, памятуя сентябрь 1914 года, когда жалобы его на отсутствіе снарядовъ вызвали неудовольствіе даже въ Ставкѣ. Несмотря на то, что Ивановъ просилъ полномочій относительно только 4 министерствъ (внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія), царь сказалъ: «Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова всѣми министрами исполнялись безпрекословно». (Однако, полномочія эти Ивановъ считалъ внослѣдствіи отпавшими, такъ какъ отъ Алексѣева онъ не получилъ подтвержденія подобнаго приказа царя). — «До свиданія, сказалъ царь, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ увидимся». «Ваше величество, сказалъ Ивановъ, позвольте напомнить относительно реформъ». «Да, да, отвѣтилъ царь, мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ».

При этомъ царь произнесъ слова «отвѣтственное министерство» и «министерство дорѣрія», такъ что Ивановъ считалъ дѣло рѣшеннымъ и конфиденціально говорилъ объ этомъ своему адъютанту, полковнику Кринскому и Ладыженскому (начальнику канцеляріи по гражданскому управленію Штаба Верховнаго Главнокомандующаго). Ивановъ рѣшилъ, что высадится утромъ 1 марта въ Царскомъ. Онъ послалъ коменданту Царскаго Села двѣ телеграммы, одна изъ которыхъ (№ 4) гласила: «Прошу васъ сдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ городѣ Царское Село и его окрестностяхъ 13 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей. О послѣдовавшемъ распоряженіи прошу меня уведомить завтра 1 марта на стациіи Царское Село».

Эшелонъ Георгіевскаго батальона, полурота Желѣзнодорожнаго полка и рота Собственнаго Его Величества полка были отправлены изъ Могилева около 11 часовъ утра. Вагонъ Иванова, выѣхавшій нѣсколько позже, былъ прицепленъ къ эшелону въ Оршѣ.

Съ сѣвернаго фронта утромъ 28 были отправлены три эшелона 57-го пѣхотнаго Тарутинскаго полка; предполагалось отправить 68 Бородинскій полкъ и кавалерію.

Съ западнаго фронта предполагалось отправить два кавалерійскихъ полка, 2-й дивизіи, 2 пѣхотныхъ и пулеметную команду Кольта.

Ивановъ передалъ Алексѣеву слѣдующій документъ (на бланкѣ генераль-адъютанта Иванова): 28 февраля 1917 года № 1 «Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. При представленіи моемъ сего числа около трехъ часовъ утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность предсѣдателя Совѣта Министровъ, слѣдующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

«Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генераль-адъютанта Иванова безпрекословно».

Генераль-адъютантъ Ивановъ».

Права генерала Иванова опредѣлялись слѣдующимъ документомъ отъ 28 февраля (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, № 507).

«На основаніи 12 статьи правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, мною предоставляется Вашему Высокопревосходительству принадлежащее мнѣ на основаніи 29 ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ право преданія гражданскихъ лицъ военно-полевому суду по всѣмъ дѣламъ, направляемымъ въ военный судъ, по коимъ еще не состоялось преданія обвиняемыхъ суду. Распоряженія Вашего Высокопревосходительства о сужденіи гражданскихъ лицъ въ военно-полевомъ судѣ могутъ быть дѣлаемы, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ дѣлъ, съ предварительнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, объявленіемъ о семъ во всеобщее свѣдѣніе. Подписали: генераль-адъютантъ Алексѣевъ. Генераль-лейтенантъ Кондзеровскій».

Командиръ Георгіевскаго батальона, генераль Пожарскій, собравъ 27 февраля своихъ офицеровъ, объявилъ имъ, что въ Петербургѣ приказанія стрѣлять въ пародъ онъ не дастъ, хотя бы этого потребовалъ генераль Ивановъ.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ происходили сборы, и литерные (свитскій и императорскій) поѣзда въ 4 и въ 5 часовъ утра двинулись по направленію въ Смоленскъ — Вязьму — Ржевъ — Лихославль, — генералы Хабаловъ, Занкевичъ и Бѣляевъ (разставшійся съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ послѣ 2 часовъ ночи) съ кучкой вѣрныхъ имъ офицеровъ и солдатъ перешли изъ Зимняго Дворца въ зданіе Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные къ Невскому, артиллерію поставили на дворѣ, во второмъ этажѣ размѣстили пѣхоту, а на углахъ, подходящихъ для обстрѣла, разставили пулеметы. Снарядовъ у нихъ было мало, патроновъ не было вовсе, а ѣсть было нечего; съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба для солдатъ. У казачьей сотни, расквартированной въ казармахъ Коннаго полка, лошади были непоены и не кормлены. По Адмиралтейству пострѣливали, но оттуда не отвѣчали. Тутъ и происходилъ ночной разговоръ съ Ивановымъ по прямому проводу. Ночью отъ Хабалова отвѣтили, что онъ не знаетъ, гдѣ переговорить съ Ивановымъ, и не можетъ выйти на улицу безъ риска быть арестованнымъ. Ивановъ вызвалъ его

къ прямому проводу къ 8 часамъ утра, и они обмѣнялись слѣдующимъ: Ивановъ передалъ десять вопросовъ пунктовъ (записаны на трехъ желтыхъ листочкахъ).

«1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразія? 2) Какіе вокзалы охраняются? 3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ? 4) Какія власти правятъ этими частями города? 5) Всѣ ли министерства правильно функционируютъ? 6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи? 7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи? 8) Какое количество продовольствія въ вашемъ распоряженіи? 9) Много ли оружія, артиллеріи и боевыхъ припасовъ попало въ руки бунтующихъ? 10) Какія военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи? — Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса».

Хабаловъ отвѣтилъ телеграммой по пунктамъ:

«1) Моемъ распоряженіи зданіе главнаго Адмиралтейства, четыре гвардейскихъ роты, пять эскадроновъ и сотенъ и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ, или остаются по соглашенію съ ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродятъ по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Весь городъ во власти революціонеровъ, телефонъ не дѣйствуетъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки. 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти революціонеровъ. 10) Моемъ распоряженіи лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю».

Эту телеграмму Хабаловъ подтвердилъ въ послѣдовавшемъ разговорѣ съ Ивановымъ.

Въ то же утро, генералы Тяжелыниковъ и Михайличенко, сидя въ Адмиралтействѣ, съ удивленіемъ слушали, какъ Бѣляевъ въ сосѣдней комнатѣ диктовалъ телеграмму, которая начиналась словами очень умѣренными: «Положеніе по прежнему продолжаетъ оставаться тревожнымъ». Далѣе сообщалось, однако, что «мятежники» овладѣли во всѣхъ частяхъ города учрежденіями, войска переходятъ на ихъ сторону или становятся нейтральными, на улицахъ идетъ пальба, движеніе прекращено, офицеровъ разоружаютъ и скорѣйшее прибытіе войскъ крайне желательно (послана въ 11 часовъ 32 минуты въ Ставку Наштаверху, копія — Орша, вслѣдъ Дворцовому Коменданту, № 201).

Около полудня, 28 февраля въ Адмиралтейство явился адъютантъ морского министра, который потребовалъ очистки зданія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, возставшіе угрожали открыть по нему артиллерійскій огонь изъ Петропавловской крѣпости: На совѣщаніи было рѣшено, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно. Артиллерія отправилась обратно въ Стрѣльну, оставивъ замки отъ орудій; пулеметы и ружья спрятали въ зданіи, и вся пѣхота была распущена безъ оружія. Хабаловъ былъ арестованъ солдатами, осматривавшими зданіе Адмиралтейства, въ тотъ же день, около 4 часовъ, Бѣляевъ прошелъ въ Генеральный Штабъ, откуда въ 2 часа 20 минутъ послалъ слѣдующую секретную телеграмму Наштаверху (№ 9157):

«Около 12 часовъ дня 28 февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованію морского министра, были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть

разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не признавалъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ во избѣжаніе отнятія оружія замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ 3-хъ часовъ Бѣляевъ прошелъ въ домъ военнаго министра на Мойку, гдѣ и почевалъ.

Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева около 1 часу дня. Ему въ догонку была послана копія телеграммы Наштаверха на имя начальника военно-походной канцеляріи (№ 1820): «Всепоподданнѣйше доношу: военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28 сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, причемъ во избѣжаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія, ружья и пулеметы, а также замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ отъѣзда Иванова, въ Ставкѣ была получена слѣдующая телеграмма и. о. начальника морского генеральнаго штаба адмирала Капниста на имя адмирала Русина (№ 2704):

«Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгской стороною, всей частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчасъ сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сеньоренъ-Конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ комитетъ для водворенія порядка въ столицѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицахъ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобрано три автомобиля, въ томъ числѣ Вашего Превосходительства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, держать съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принялъ Бѣляевъ, но судя по тому, что происходитъ, едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской Министръ боленъ инфлюэнцей, большая температура — 38, лежитъ, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая организація, на примѣръ, кварталы отъ Литейнаго по Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ Штабѣ, считаю, что выѣзжать въ Ставку до новаго Вашего распоряженія не могу».

Ивановъ прибылъ изъ Могилева въ Витебскъ съ маленькимъ опозданіемъ, часовъ въ 6—7 вечера, и проѣхалъ дальше. Въ этотъ день и на слѣдующій обмѣнивались телеграммами о формированіи и отправкѣ воинскихъ частей генералъ Ивановъ (28 февраля, слѣшно, секретно № 1 Главкозапу и № 2 Главкоству), Даниловъ (28 февраля № 1165-В и № 1166-В), Рузскій (28 февраля № 1168-В), Гулевичъ (1 марта, № 535), Тихменевъ (генералу Иванову, 1 марта, № 278), подполковникъ Крипскій (генералу Тихменеву, № 3), генералъ князь Трубецкой (генералу Иванову, 1 марта, № 154). 28 же февраля была разослана «по всей сѣти на имя всѣхъ начальствующихъ» извѣстная телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, № 6932.

Императорскій поѣздъ слѣдовалъ безъ происшествій, встрѣчаемый урядниками и губернаторами. Непосредственныя извѣстія изъ Петербурга перестали

поступать; питались только вздорными слухами о томъ, что грабятъ Зимпій Дворецъ, убить градоначальникъ Балкъ и его помощникъ Вендорфъ.

Въ 3 часа дня царь послалъ императрицѣ изъ Вязьмы слѣдующую телеграмму (по-англійски): «Выѣхали сегодня утромъ въ 5. Мыслями всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войскъ послано съ фронта. Любящій и ѣжко Ники».

Въ Лихославлѣ Воейковъ получилъ шифрованную телеграмму отъ Бѣляева. Здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ Временное Правительство съ Родзянко во главѣ. Читали и телеграмму Бубликова съ распоряженіемъ по всѣмъ дорогамъ. Въ 10 часовъ вечера Дубенскій писалъ Федорову: «Дорогой Сергій Петровичъ, дальше Тосны поѣзда не пойдутъ. По моему глубокому убѣжденію, надо Его Величеству изъ Бологого повернуть на Псковъ (320 верстъ) и тамъ, опираясь на фронтъ Г.-А. Рузскаго, начать дѣйствовать противъ Петрограда. Тамъ во Псковѣ скорѣй можно сдѣлать распоряженіе о составѣ отряда для отправки въ Петроградъ. Псковъ — старый губернский городъ, населеніе его не взволновано. Оттуда скорѣй и лучше можно помочь Царской Семѣ. Въ Тоснѣ Его Величество можетъ подвергнуться опасности. Пишу Вамъ все это, считая невозможнымъ скрыть, мнѣ кажется, эту мысль, которая въ эту страшную минуту можетъ помочь дѣлу спасенія Государя, Его семьи. Если мою мысль не одобрите, разорвите записку».

Въ Бологомъ въ свитскомъ поѣздѣ стало извѣстно, что въ Любани стоятъ войска, которыя могутъ не пропустить дальше. Однако, поѣздъ продолжалъ слѣдовать по линіи Николаевской желѣзной дороги по направленію къ Петербургу. Въ Малой Вишерѣ офицеръ 1-го желѣзнодорожнаго полка безъ оружія предупредилъ свиту, что въ Любани находятся двѣ роты съ орудіями и пулеметами. Было рѣшено ждать прибытія императорскаго поѣзда. Такъ какъ изъ ряда свѣдѣній опредѣлилось, что Временное Правительство направляетъ литерные поѣзда не на Царское Село, а на Петербургъ, гдѣ, какъ полагали, царю будутъ поставлены условія о дальнѣйшемъ управленіи, — общій голосъ былъ за то, чтобы ѣхать въ Псковъ: тамъ — генералъ Рузскій, человекъ умный и спокойный, если въ Петербургѣ возстаніе, — онъ послалъ войска, если переворотъ — онъ вошелъ въ сношеніе съ новымъ правительствомъ. Немногіе говорили, что надо вернуться въ Ставку.

Въ третьемъ часу ночи дождались поѣзда. Генералъ Саблинъ пошелъ туда. Всѣ, кромѣ Нарышкина, спали; Воейкова пришлось разбудить.

Воейковъ отправился къ царю, разбудилъ его и сообщилъ, что на Тосну ѣхать рискованно, такъ какъ она занята революціонными войсками.

Царь всталъ съ кровати, надѣлъ халатъ и сказалъ: «Ну тогда поѣдемте до ближайшаго юза».

Воейковъ вышелъ веселый, со словами: мы ѣдемъ въ Псковъ, «теперь вы довольны»? — Поѣзда повернули назадъ.

Дубенскій записываетъ въ дневникѣ: «Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Государь по прежнему спокоенъ и говоритъ мало о событіяхъ. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена навѣрное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это: графъ Фредериксъ, Ниловъ, графъ Граббе, Федоровъ, Долгорукій, Лейхтенбергскій, всѣ говорятъ, что надо только сторговаться съ ними, съ членами Временнаго Правительства».

Генераль Ивановъ, проспувшись 1 марта часовъ въ 6—7 утра узналъ, что его поѣздъ находится на станціи Дно, т. е. вмѣсто 500 верстъ, прошелъ только 200. Комендантъ станціи доложилъ, что въ поѣздахъ, вышедшихъ наканунѣ изъ Петербурга, ѣдетъ масса солдатъ въ военной и статской формѣ, что они насильно отбираютъ у офицеровъ оружіе, и что выѣхавшій начальникъ жандармскаго управленія ничего сдѣлать не можетъ и проситъ содѣйствія. Полковникъ Лебедевъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, телеграфировалъ Иванову: «Доносу, что получены мною свѣдѣнія о поѣздѣ 3, въ которомъ ѣдутъ пьяные солдаты, одѣтые въ статское и вооруженные шашками, ружьями, обезоруживающіе офицеровъ и жандармовъ. Прошу Вашихъ распоряженій».

Ивановъ приказалъ командиру батальона осматривать встрѣчные поѣзда, особенно въ виду того, что по полученному извѣстію, императорскій поѣздъ вышелъ изъ Бологого и къ вечеру ожидался въ Днѣ.

Ивановъ лично видѣлъ нѣсколько прибывшихъ изъ Петербурга поѣздовъ. Они были набиты солдатами, нѣкоторые были пьяны. Изъ разговоровъ женщинъ и стараго чиновника, который рассказывалъ о провокаторахъ, Ивановъ убѣдился, что «безобразія большія». Ему удалось арестовать человекъ 30—40, въ томъ числѣ переодѣтыхъ городскихъ, бѣжавшихъ изъ Петербурга (всѣ они кромѣ 2-хъ были отпущены въ Царскомъ Селѣ, а двое — на обратномъ пути въ Могилевъ) и отобрать у солдатъ 75—100 штукъ шашекъ и прочаго офицерскаго оружія; генераль Ивановъ, какъ установлено имъ самимъ и показаніями солдатъ Георгіевскаго батальона, примѣнялъ раза три-четыре особаго рода «отеческое воздѣйствіе» съ цѣлью добиться покорности: ставилъ на колѣни пьяныхъ или дерзившихъ ему нижнихъ чиновъ. При этомъ имъ руководили, очевидно гуманныя побужденія, т. е. онъ избѣгалъ предачія этихъ лицъ военно-полевому суду.

Поѣздъ Иванова прибылъ на Вырицу около 6 часовъ вечера.

Въ это время императорскій поѣздъ, безъ всякихъ задержекъ, двигался къ станціи Дно. По словамъ Воейкова, когда всѣ проспулись, «о событіяхъ старались не говорить, потому что это не особенно пріятно было. Общее настроеніе было — испугъ и надежда, что пріѣдемъ въ Псковъ и все выяснится». Во время завтрака и обѣда говорили обо всемъ, только не о дѣлахъ, потому что тутъ прислуга (а по французски царь говорилъ очень рѣдко) и потому что царь избѣгалъ вступать въ политическіе разговоры со свитой (вся атмосфера была — «манекенъ»). По словамъ Дубенскаго, царь — человекъ мужественный и «поклонникъ» какого-то «рока», «спалъ, кушалъ и занималъ даже разговорами ближайшихъ лицъ свиты».

Около 6 часовъ вечера поѣздъ пришелъ въ Дно.

Съ утра 1 марта противъ дома военнаго министра въ Петербургѣ стали собираться толпы народа. Бѣляева искали еще наканунѣ въ его частной квартирѣ на Николаевской, а 1 марта стали громить эту квартиру.

Опасаясь разгрома служебнаго кабинета на Мойкѣ, Бѣляевъ, съ помощью своего секретаря Шильдера, его помощника Огурцова, швейцара и деньщика, сталъ жечь въ печахъ и каминѣ еще наканунѣ приготовленные для сожженія документы.

Въ числѣ сожженныхъ документовъ были: нѣкоторыя дѣла совѣта министровъ, дѣла особаго совѣщанія по объединенію мѣропріятій, по снабженію арміи и флота и по организаціи тыла (такъ называемое совѣщаніе пяти министровъ), много матеріаловъ, касающихся снабженія арміи и имѣющихъ секретный

характеръ, секретныя шифры, маленькій секретный журналъ для записи секретныхъ бумагъ, возвращаемыхъ министромъ послѣ доклада, ленты и подняныя телеграммы о положеніи въ Петербургѣ, отправленныя военнымъ министромъ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго по прямому проводу.

Въ числѣ бумагъ, повидимому, уничтоженныхъ и не возвращенныхъ изъ дома военного министра въ Главный Штабъ и въ главное управленіе генеральнаго штаба, были нѣкоторые секретныя и несекретныя документы, документы, часть которыхъ имѣла важное значеніе и не имѣла копій; возстановить ихъ возможно только по памяти или совсѣмъ невозможно.

Въ своихъ объясненіяхъ генераль Бѣляевъ сослался на то, что онъ руководился опасеніемъ, чтобы тайныя бумаги не попали въ руки громившей толпы, среди которой могли быть злонамѣренныя лица. Остался только одинъ подлинный документъ, касающійся данныхъ союзной конференціи, который Бѣляевъ положилъ въ ящикъ стола.

Въ два часа дня Бѣляевъ, узнавъ, что громятъ его частную квартиру на Николаевской, по совѣту морского министра, сидѣвшаго у себя въ штабѣ, перешелъ въ генеральный штабъ, гдѣ его искали ночью, чтобы арестовать. Бѣляевъ позвонилъ въ Государственную Думу; подошедшій къ телефону Н. В. Некрасовъ посоветовалъ ему ѣхать въ Петропавловскую крѣпость, Бѣляевъ поѣхалъ въ Думу; предлагалъ дать подписку о цевыѣздѣ и просилъ, чтобы ему «дали возможность превратиться въ частнаго обывателя поскорѣе». Ему предложили отправиться въ министерскій павильонъ, откуда вечеромъ перевезли въ крѣпость.

Генераль Мрозовскій послалъ въ этотъ день царю въ Царское Село изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, большинство войскъ съ артиллеріей передано революціонерамъ, во власти которыхъ поэтому находится весь городъ, градоначальникъ съ помощникомъ выбыли изъ градоначальства; получилъ отъ Родзянки предложеніе признать временную власть Комитета Государственной Думы, положеніе крайне тяжелое, при нынѣшнихъ условіяхъ не могу вліять на ходъ событій, опасаясь утвержденія власти крайнихъ лѣвыхъ, образовавшихъ исполнительный комитетъ, промедленіе каждаго часа увеличиваетъ опасность, получаю отъ болѣе благомыслящей части населенія заявленія, что призваніе новаго министерства возстановитъ порядокъ и власть. Срочно испрашиваю повелѣнія Вашего Величества. Генераль Мрозовскій».

Генераль Ивановъ, узнавъ въ Вырицѣ, что министры арестованы, что въ Царскомъ 27-го былъ бунтъ, и что на станціи Александровской высаживается Тарутинскій полкъ, пришедшій съ фронта, рѣшилъ идти въ Царское, вызвалъ туда начальствующихъ и выѣхалъ самъ, приказавъ къ концу поѣзда прицѣпить второй паровозъ. Прибыли вечеромъ 1 марта.

Въ Царскомъ въ этотъ день послѣ полудня появились броневики и автомобили съ пулеметами, которые обыкновенно доѣзжали только до вокзала и уѣзжали обратно. Полковникъ Гротенъ доложилъ, что гвардейская рота ушла въ Петербургъ. Генераль Осиньковъ отдалъ приказъ о впускѣ и выпускѣ изъ Царскаго Села, такъ какъ гарнизонъ спавалъ прибывающія части. Послѣ этихъ докладовъ прибыли выборные представители отъ города и войска. Генераль Пожарскій вновь заявилъ, что его солдаты стрѣлять не будутъ, а георгиевцы объяснили въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться, что ихъ батальонъ «нейтраленъ» и имѣетъ цѣлью охрану личности Николая II.

Ивановъ получилъ отъ Алексѣева слѣдующую шифрованную телеграмму.

«Частныя свѣдѣнія говорятъ, что въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія къ временному правительству, въ полномъ составѣ приводятся въ порядокъ. Временное правительство подѣ предѣдательствомъ Родзянки, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воишскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное временнымъ правительствомъ, говоритъ о незыблемости монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ основаній для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы Вашихъ дѣйствій, переговоры приведутъ къ умиротворенію, дабы избѣжать ненужной междоусобицы, столь желательной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы, пустить въ ходъ работы. Воззваніе поваго министра путей сообщенія, опубликованное желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно — хорошему концу, который укрѣпитъ миссію».

Получивъ эту телеграмму (единственную изъ девяти посланныхъ), Ивановъ прочелъ ее не сразу, такъ какъ его вызвала къ себѣ (около 2-хъ часовъ ночи) императрица, которая съ полудня 28 февраля охранялась уже революціонными войсками. Къ тому времени Ивановъ уже зналъ (съ Вырицы), что царскій поѣздъ вышелъ изъ Дна на Псковъ.

Императрица сообщила, что, не получая отвѣта на свою телеграмму, она хотѣла послать аэропланъ, но погода не позволила. На просьбу ея переслать письмо, Ивановъ доложилъ, что у него нѣтъ человѣка. Императрица много говорила о дѣятельности своей и своихъ дочерей на пользу больныхъ и раненыхъ и недоумѣвала по поводу неудовольствій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она упоминала отвѣтственное министерство, а Ивановъ указывалъ, что думское большинство удовлетворялось Треповымъ, и вопросъ былъ только о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ эту минуту, по рассказамъ Иванова, кто то кашлянулъ въ сосѣдней комнатѣ, императрица вышла, и за дверью начался неслышный и непонятный Иванову англійскій разговоръ.

Когда Ивановъ уѣзжалъ, въ Царскомъ Селѣ было тихо. Пришла телеграмма: «Псковъ, часъ пять минутъ ночи. Надѣюсь, благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать. Николай». Ивановъ отвѣтилъ, что 2 марта получилъ телеграмму и ждетъ дальнѣйшихъ указаній и телеграфировалъ о томъ же Алексѣеву.

Въ эту ночь въ Царское Село пріѣхалъ командированный начальникомъ генеральнаго штаба (генераломъ Занкевичемъ) полковникъ Доманевскій — для исполненія должности начальника штаба Иванова. Онъ сдѣлалъ докладъ Иванову о томъ, «что въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части», и «съ этой минуты (т. е. съ 12 часовъ дня 28 февраля) прекратилась борьба съ возставшей частью населенія». Офицеры и нижніе чины явились въ Государственную Думу, полиція частью снята, частью попряталась, часть министровъ арестована, министерства могутъ продолжать работу только «какъ бы признавъ» Временное Правительство. При такихъ условіяхъ вооруженная борьба трудна и выходъ представляется не въ ней, а въ соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ путемъ «узаконенія наиболѣе умѣренной его части». Среди

возставшихъ обнаруживались «два совершенно опредѣленныхъ теченія»: «одни примкнули къ Думскимъ выборнымъ» и, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ и скорѣйшей ликвидаціи безпорядковъ, «другіе поддерживали совѣтъ рабочихъ», «искали крайнихъ результатовъ и конца войны». До 1 марта Временное Правительство было хозяиномъ положенія въ столицѣ, но съ каждымъ днемъ положеніе его становилось труднѣе и власть могла перейти къ крайнимъ лѣвымъ. Поэтому, въ настоящее время «вооруженная борьба только осложнитъ положеніе».

Прибѣжавшій начальникъ станціи сообщилъ, что на вокзалъ двигаются тяжелый дивизионъ и батальонъ перваго гвардейскаго запаснаго стрѣлковаго полка (въ эту ночь А. И. Гучковъ въ качествѣ предсѣдателя военной комиссіи ѣздилъ на Варшавскій и Балтійскій вокзалы, чтобы навести порядокъ на случай прибытія карательной экспедиціи, причемъ его автомобиль былъ обстрѣлянъ, и спутникъ его, князь Вяземскій, былъ убитъ). Ивановъ, зная, что Хабаловъ арестованъ и въ городѣ «хозяиничаютъ» Родзянко и Гучковъ, считая, что охрана дворца не входитъ въ его задачу, и понимая, что, «если поидетъ толпа, тысячи уложишь», рѣшилъ уходить. Такимъ образомъ, послѣ какихъ-то затрудненій съ переводной стрѣлкой и сломаннымъ крюкомъ въ хвостовыхъ вагонахъ, оказавшихся передовыми, весь поѣздъ съ георгіевскимъ батальономъ былъ уведенъ въ ночь съ 1 на 2 марта обратно, на Вырицу.

Черезъ 15 минутъ послѣ ухода ихъ на вокзалѣ въ Царскомъ уже появились народныя войска съ пулеметами; «говорили, если они перейдутъ на нашу сторону, побратаемся».

Когда императорскій поѣздъ пришелъ въ Дно, Алексѣевъ самъ передалъ Родзянко телеграмму о согласіи царя принять его. Послѣдовалъ отвѣтъ, что Родзянко ѣдетъ на станцію Дно. Воейкову по телеграфу сообщили, что поѣздъ готовъ, но изъ Думы сообщили по телефону, что Родзянко еще не выѣзжалъ (въ тотъ день Гучковъ настаивалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, чтобы миссія — склонить царя къ отреченію — взялъ на себя Родзянко, но эта миссія была возложена на него и на В. В. Шульгина). Царь рѣшилъ не ждать въ Днѣ, и Воейковъ послалъ Родзянкѣ телеграмму, что его будутъ ждать въ Псковѣ.

Дубенскій записывалъ:

«Уже 1 марта ѣдетъ къ Государю Родзянко въ Псковъ для переговоровъ. Кажется, онъ выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Петрограда въ 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по-англійски, что въ Царскомъ все спокойно. Старый Псковъ опять занесетъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній самодержецъ Россіи, Николай II, и лишился своей власти, какъ самодержецъ».

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Псковъ, въ девятомъ часу вечера, начались, по словамъ Дубенскаго, «все болѣе грустныя и великія событія».

По прибытіи, въ вагонъ государя вошли генералъ Рузскій и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ. По мнѣнію Рузскаго, надо было идти на всѣ уступки, сдаваться на милость побѣдителя и давать полную конституцію, иначе анархія будетъ расти, и Россія погибнетъ.

Воейковъ получилъ телеграмму отъ Бубликова о томъ, что Родзянко не приѣдетъ. Царь рѣшилъ послать телеграмму Родзянкѣ, смыслъ ея былъ такой: «Ради спасенія родины и счастья народа, предлагаю Вамъ составить новое министерство во главѣ съ вами, но министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и морской»

будутъ назначаться мной». Царь сказалъ Воейкову: «Пошлите ее по юзу и покажите Рузскому».

Рузскій, по словамъ Воейкова, вырвалъ телеграмму у него изъ рукъ и сказалъ, что здѣсь онъ самъ посылаетъ телеграммы. На докладъ Воейкова объ этомъ, царь сказалъ: «Ну, пускай онъ самъ пошлетъ». — Весь вечеръ шелъ вызовъ Петербурга, и Рузскій, иногда возвращаясь къ царю, говорилъ по прямому проводу (юзъ былъ въ городѣ) всю ночь, до 6 часовъ утра. Такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры происходили черезъ Рузскаго, которому было поручено говорить объ условіяхъ конституціи.

Между тѣмъ, придворные безпокоились о своихъ домашнихъ. Дубенскій отрядилъ въ Петербургъ своего человѣка, котораго переодѣли въ статское («хулиганомъ»). Фредериксъ, Дрентельнъ и Воейковъ дали ему письма, и онъ вернулся съ отвѣтами.

Въ четвергъ 2-го марта, утромъ, отвѣты Родзянко Рузскому оказались, по словамъ Дубенскаго, «неутѣшительными». На вопросъ Воейкова о результатѣ телеграммы къ Родзянко Рузскій отвѣтилъ: «Того, что ему послано, теперь недостаточно, придется идти дальше». «Родзянко, пишетъ Дубенскій, сказалъ, что онъ не можетъ быть увѣреннымъ ни за одинъ часъ; ѣхать для переговоровъ не можетъ, о чемъ онъ телеграфируетъ, намекая на измѣнившіяся обстоятельства. Обстоятельство это только что предположено, а, можетъ быть, и осуществлено — избрать регентомъ Михаила Александровича, то-есть совершенно упразднить Императора Николая II. Рузскій находитъ, что войска посылать въ Петроградъ нельзя, такъ какъ только ухудшатъ положеніе, ибо перейдутъ къ мятежникамъ. Трудно представить весь ужасъ слуховъ... Въ Петроградѣ анархія, господство черни, жидовъ, оскорбленіе офицеровъ, аресты министровъ и другихъ видныхъ дѣятелей правительства. Разграблены ружейные магазины»...

Въ это утро генералъ Ивановъ, сидѣвшій въ Вырицѣ, собрался переговорить съ командирами запасныхъ батальоновъ и повидать Тарутинскій полкъ (всѣ остальные были задержаны въ пути), чтобы узнать части, съ которыми придется имѣть дѣло. Свѣдѣнія объ этихъ частяхъ также были неблагоприятны.

Собираясь проѣхать нѣсколько станцій на автомобилѣ, Ивановъ получилъ записку отъ Гучкова, который около 1 часа дня выѣхалъ съ Шульгинымъ въ Псковъ и телеграфировалъ Рузскому, что «ѣдетъ по важному дѣлу», и Иванову, котораго хотѣлъ отговорить въ пути, зная только, что какіе то эшелоны идутъ на Петербургъ. Гучковъ писалъ:

«Бду въ Псковъ. Примите всѣ мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ Васъ этомъ направленіи».

Ивановъ телеграфировалъ Гучкову въ Псковъ: «Радъ буду повидать Васъ. мы на станціи Вырица. Если то для Васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда».

Гучковъ отвѣтилъ: «На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Вырицѣ, желательнѣе встрѣтить Васъ Гатчинѣ Варшавской».

Тогда Ивановъ рѣшилъ проѣхать по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірскую (между Гатчиной и Царскимъ) на Варшавскую дорогу, надѣясь посмотрѣть на станціи Александровской Тарутинскій полкъ и повидаться съ Гучковымъ, послѣ его возвращенія изъ Пскова. На станціи Сусанино поѣздъ Иванова со всѣмъ батальономъ поставили въ тупикъ. Первая телеграмма отъ

Бубликова гласила: «Миѣ стало извѣстно, что Вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю Васъ, что вы навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимъ у меня свѣдѣніямъ пародными войсками вашъ полкъ будетъ обстрѣлять артиллерійскимъ огнемъ». Вторая: «Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставитъ непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Его Величества немедленно слѣдовать Царское Село. Убѣдительноѣе прошу остаться Сусанино или вернуться Вырицу».

Ивановъ вернулся на Вырицу и послалъ Алексѣеву шифрованную телеграмму (конія Тихменеву): «До сихъ поръ не имѣю никакихъ свѣдѣній о движеніи частей, назначенныхъ мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о приостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для возстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая песомѣнно получаетъ директивы временнаго правительства».

Для посланки телеграммы Ивановъ далъ одинъ изъ своихъ паровозовъ подполковнику генеральнаго штаба Тилли; онъ долженъ былъ передать ее по прямому проводу изъ Царскаго Села въ Ставку. Тилли доложилъ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Ивановъ получилъ отъ Тихменева слѣдующую телеграмму: «Докладываю для свѣдѣнія депешу Наштаѣва командирамъ 5, Наштаверху, Начвосѣву: «Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги, нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ и разрѣшенія Государя Императора вступить Главкосѣву сношенія Предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направляющіяся станцію Александровскую, обратно Двинскій районъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ командарма 5. 1216-В, 1 часъ, 2 марта, Даниловъ».

Тѣмъ временемъ придворныя въ Псковѣ суетились, «толкаясь изъ вагона въ вагонъ». Событія развивались для нихъ «все страшнѣе и неожиданнѣе».

Русскій послѣ завтрака второй разъ пришелъ къ царю и доложилъ ему семь телеграммъ: отъ великаго князя Николая Николаевича, который колѣнопреклоненно молилъ царя отречься отъ престола и передать его наслѣднику при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича, отъ Алексѣева, Сахарова, Брусилова, Эверта, Нененина — и заявленіе Русскаго — о томъ же; въ телеграммѣ Алексѣева (изъ Могилева) была изложена форма отреченія, которую онъ считалъ для царя желательной.

Послѣ разговора съ Русскимъ царь рѣшилъ послать отвѣтъ телеграммой съ согласіемъ отречься отъ престола; по словамъ Дубенскаго, это рѣшеніе было принято, «дабы не дѣлать отказа отъ престола подъ давленіемъ Гучкова и Шульгина», приѣзда которыхъ ждали, и которыхъ царь собирался принять. Слѣдующій эпизодъ, записанный въ дневникѣ Дубенскаго, Воейковъ опровергаетъ категорически:

«Когда Воейковъ узналъ это отъ Фредерикса, посланнаго эту телеграмму, онъ попросилъ у государя разрѣшенія вернуть телеграмму. Государь согласился. Воейковъ быстро вошелъ въ вагонъ свиты и заявилъ Нарышкину, чтобы онъ побѣжалъ скорѣе на телеграфъ и приостановилъ телеграмму. Нарышкинъ пошелъ на телеграфъ, но телеграмма ушла, и начальникъ телеграфа сказалъ, что онъ попытается ее остановить. Когда Нарышкинъ вернулся и сообщилъ это, то всѣ стоящіе здѣсь почти въ одинъ голосъ сказали: «Все кончено». Затѣмъ

выражали сожалѣніе, что государь послѣшилъ, всѣ были разстроены, поскольку могутъ быть разстроены эти пустые, эгонстичные въ большинствѣ люди».

Царь долго гулялъ между поѣздами, спокойный на видъ. Черезъ полчаса послѣ отреченія, Дубенскій стоялъ у окна и плакалъ. Мимо вагона прошелъ царь съ Лейхтенбергскимъ, весело посмотрѣлъ на Дубенскаго, кивнулъ и отдалъ честь. «Тутъ, говоритъ Дубенскій, возможна выдержка или холодное равнодушіе ко всему». Послѣ отреченія «у него одеревенѣло лицо, онъ всѣмъ кланялся, онъ протянулъ мнѣ руку, и я эту руку поцѣловалъ. Я все таки удивился, — Господи, откуда у него берутся такія силы, онъ вѣдь могъ къ намъ не выходить». Однако, «когда онъ говорилъ съ Фредериксомъ объ Алексѣѣ Николаевичѣ одинъ на одинъ, я знаю, онъ все таки заплакалъ. Когда съ С. П. Федоровымъ говорилъ, вѣдь онъ наивно думалъ, что можетъ отказаться отъ престола и остаться простымъ обывателемъ въ Россіи: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексѣя и его воспитывать».

Послѣ отреченія царь сказалъ только: «Мнѣ стыдно будетъ увидѣть иностранныхъ агентовъ въ Ставкѣ, и имъ неловко будетъ видѣть меня». «Слабый, безвольный, но хорошій и чистый человекъ, замѣчаетъ Дубенскій, онъ погибъ изъ за императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ, Россія не могла простить этого».

Придворные долго разговаривали, и Возѣиковъ, по настоянію Дубенскаго, пошелъ убѣждать царя, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ престола такимъ «кустарнымъ образомъ» только по желанію Временнаго правительства и командующихъ фронтами. Онъ, замѣчаетъ Дубенскій, отрекся отъ престола, «какъ сдалъ эскадронъ». Въ 9 часовъ вечера въ Псковъ пріѣхали Гучковъ и Шульгинъ, уполномоченные Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, въ которомъ еще колебались между добровольнымъ сохраненіемъ монархіи съ другимъ лицомъ на новыхъ началахъ и сверженіемъ царя и избраніемъ новыхъ политическихъ формъ. Предполагалось рекомендовать царю назначить только предсѣдателя Совѣта Министровъ и отречься въ пользу сына съ регентствомъ Михаила Александровича.

Въ эту ночь, по возвращеніи съ объѣзда вокзаловъ, Гучковъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Временнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

По пріѣздѣ въ Псковъ, Гучковъ хотѣлъ видѣть Рузскаго, чтобы ознакомиться съ настроеніями; по встрѣчавшій на вокзалѣ полковникъ сразу пригласилъ ихъ въ вагонъ царя, гдѣ Гучковъ и Шульгинъ встрѣтили Фредерикса и Нарышкина; потомъ пришелъ Рузскій.

Вошедшій черезъ нѣсколько минутъ царь сѣлъ за маленькій столикъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій сѣсть рядомъ. Остальные сѣли вдоль стѣны. Царь не обнаружилъ никакихъ признаковъ своего давняго неблаговоленія къ Гучкову, но также и никакой теплоты. Онъ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ и дѣловымъ тономъ. Нарышкинъ вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Гучковъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные совѣты, какъ вывести страну изъ тяжелаго положенія; Петербургъ уже всецѣло въ рукахъ движенія, попытки фронта не приведутъ ни къ чему, и всякая воинская часть перейдетъ на сторону движенія, какъ только подышетъ Петербургскимъ воздухомъ.

Рузскій поддержалъ, сказавъ, что совершенно согласенъ съ А. И. и никакихъ запасныхъ частей послать въ Петроградъ не могъ бы.

«Поэтому, продолжалъ Гучковъ, всякая борьба для Васъ бесполезна. Соевѣтъ нашъ заключается въ томъ, что Вы должны отречься отъ престола».

Разказавъ, какъ представители царскосельскихъ воинскихъ частей пришли въ Думу и всецѣло присоединились къ новой власти, Гучковъ продолжалъ: «Я знаю, Ваше Величество, что я Вамъ предлагаю рѣшеніе громадной важности и я жду, чтобы Вы приняли его тотчасъ. Если Вы хотите нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона и подождать, пока Вы примете рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ, все это должно совершиться сегодня вечеромъ».

Царь, выслушавъ все очень спокойно, отвѣтилъ: «Я этотъ вопросъ уже обдумалъ и рѣшилъ отречься».

Гучковъ сказалъ, что царю, конечно, придется разстаться съ сыномъ, потому что «никто не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣмъ, кто довелъ страну до настоящаго положенія».

На это царь сказалъ, что онъ не можетъ разстаться съ сыномъ и передаетъ престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

Гучковъ, предупредивъ, что онъ остается въ Псковѣ часъ или полтора, просилъ сейчасъ же составить актъ объ отреченіи, такъ какъ завтра сѣнь долженъ быть въ Петербургѣ съ актомъ въ рукахъ. Текстъ былъ наканунѣ набросанъ Шульгинымъ, нѣкоторыя поправки внесены Гучковымъ. Этотъ текстъ, не навязывая его дословно, въ качествѣ матеріала, передали царю: царь взялъ его и вышелъ.

Гучковъ, которому всѣ предшествовавшія событія не были извѣстны, поразила тѣмъ, что отреченіе далось такъ легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатлѣніе своей обыденностью, и ему пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, съ пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлѣнію Гучкова, былъ совершенно лишенъ трагическаго пониманія событія: при самомъ желѣзномъ самообладаніи можно было не выдержать, но голосъ у царя, какъ будто, дрогнулъ, только когда онъ говорилъ о разлукѣ съ сыномъ.

Въ вагонѣ ждали часъ или полтора. Русскіи, какъ и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ, были, повидимому, сторонниками отреченія; съ Нарышкинымъ разговоръ не было, большой Фредериксъ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящемъ и былъ взволнованъ извѣстіемъ, что его домъ сожженъ, беспокоясь о большой женѣ; къ собесѣдникамъ присоединился Воейковъ, который также беспокоился о семьѣ и о своей женѣ (дочери Фредерикса).

Царь вернулся и передалъ Гучкову переписанный на машинкѣ актъ съ подписью «Николай». Гучковъ прочелъ его присутствующимъ вслухъ. Шульгинъ внесъ двѣ-три незначительныхъ поправки, въ одномъ мѣстѣ царь сказалъ: «не лучше ли такъ выразить?» и вставилъ какое-то слово. Всѣ поправки были тотчасъ внесены и оговорены.

Гучковъ сказалъ, что въ виду могущихъ произойти въ дорогѣ случайностей слѣдуетъ составить второй актъ — не копию, а дубликатъ — и оставить его въ штабѣ Главнокомандующаго. Царь нашелъ это правильнымъ и сказалъ, что такъ и будетъ сдѣлано.

Царь сказалъ, что онъ назначаетъ верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича; Гучковъ ничего не возражалъ, а можетъ быть и подтвердилъ. Была составлена телеграмма Николаю Николаевичу.

Гучковъ сказалъ, что Думскій Комитетъ ставитъ во главѣ правительства князя Львова. Царь сказалъ, что онъ знаетъ его и согласенъ, сѣлъ и панисалъ

указъ Сенату о назначеніи князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Царь согласился со словами Гучкова о томъ, что остальныхъ министровъ предсѣдатель приглашаетъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ царь назначилъ верховнаго главнокомандующаго и предсѣдателя Совѣта Министровъ уже послѣ того, какъ скрѣпилъ актъ; но на слѣдующее утро, когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись въ Петербургъ, на улицахъ уже были плакаты съ перечисленіемъ правительства.

Царь спросилъ о судьбѣ императрицы и дѣтей, отъ которыхъ два дня не имѣлъ извѣстій. Гучковъ отвѣтилъ, что все благополучно, большимъ дѣтямъ оказывается помощь. Царь заговорилъ о своихъ планахъ, ѣхать ли ему въ Царское или въ Ставку; Гучковъ не зналъ, что посоветовать. Они простились.

Гучковъ и Шульгинъ пришли въ вагонъ Рузскаго, гдѣ ждали, когда будетъ готовъ актъ отреченія. Присутствовалъ главный начальникъ снабженія Савичъ, Данилова не было, онъ зашифровывалъ актъ.

Въ тотъ же вечеръ, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали въ Петербургъ, а бывшій императоръ — въ Могилевъ; со станціи Сиротино онъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника».

Въ пятницу, 3 марта, утромъ, генераль Ивановъ получилъ телеграммы отъ Родзянко и Гучкова. Родзянко телеграфировалъ: «№ 185. Генераль-адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначеніи главнокомандующими войсками петроградскаго округа генераль-лейтенанта Корнилова. Просить передать вашему высокопревосходительству приказаніе о возвращеніи вашему въ Могилевъ».

Гучковъ телеграфировалъ: «Тороплюсь Петроградъ, очень сожалѣю, не могу захватить. Свиданіе окончилось благополучно».

Провѣривъ переданное Родзянкой распоряженіе Алексѣева по телеграфу, Ивановъ рѣшилъ вернуться въ Ставку. Долго не могли достать второго паровоза и ожидали, что по дорогѣ «устроятъ бенефисъ». Наконецъ, выѣхали и благополучно доѣхали до станціи Дно, гдѣ Ивановъ, въ полночь съ 3 на 4 марта, узналъ отъ коменданта станціи, что Шульгинъ объявилъ 3-го манифестъ, что царь отрекся въ пользу наслѣдника, и регентомъ будетъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

4 марта Ивановъ подтвердилъ телеграммой коменданту станціи Дно свое приказаніе отправить вслѣдъ за нимъ въ Могилевъ задержанную въ Днѣ искровую станцію. 5-го въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ въ Псковъ, Ивановъ получилъ извѣстія отъ 3-го марта о дѣйствіяхъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Между Новоскольниковыми и Витебскомъ Ивановъ встрѣтился съ Корниловымъ. Въ Оршѣ, изъ приложенія къ Витебской газетѣ, Ивановъ узналъ объ отказѣ Михаила Александровича. Часа въ 3—4 дня 5-го марта Ивановъ пріѣхалъ въ Ставку, гдѣ получилъ печатный приказъ объ отреченіи царя и Михаила Александровича и узналъ, «что царь назначилъ князя Львова». Ивановъ, который во все время путешествія ни разу не сообщалъ батальону никакихъ свѣдѣній о положеніи, что возбуждало неудовольствіе среди солдатъ, «наставлялъ солдатъ служить вѣрно и честно новому Правительству, благодарилъ ихъ за

службу и, прощаясь, обнялъ и поцѣловалъ въ каждой ротѣ одного солдата за всю роту». —

Бывшій императоръ 4 марта видѣлся въ Могилевѣ со своею матерью. Въ этотъ день, послѣ разговора съ Алексѣевымъ, онъ удалилъ отъ себя Воейкова, а на слѣдующій день просилъ уѣхать и Фредерикса.

8 марта, бывшій императоръ выѣхалъ изъ Ставки и былъ заключенъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ.
